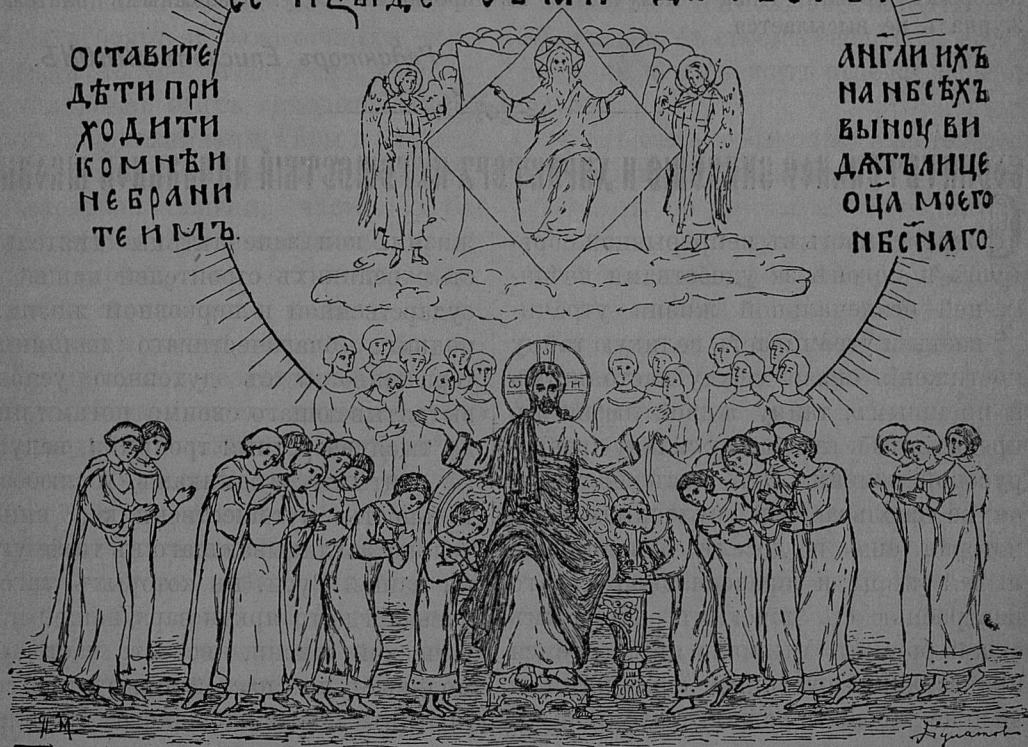

БОЖІА НИВА

СЕ ИЗЫДЕ СЪМІИ ДА СЪЕТЪ.

ОСТАВИТЕ
ДѢТИ ПРИ
ХОДИТИ
КО МНѢ И
НЕ БРАНИ
ТЕ ИМЪ.

АНГЛИ ИХЪ
НА НЕБѢХЪ
ВЫНОУ ВИ
ДАТЬ ЛИЦЕ
ОЦА МОЕГО
НЕБНАГО.

Троицкій Собесѣдникъ для церковно приходскихъ школъ.

„БОЖІА НИВА“

въ 1905 году

съ Божіей помощію выходитъ по той же программѣ и на тѣхъ же основаніяхъ,
какъ и въ прошломъ году.

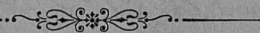
По принятому порядку мы дадимъ 12 №№ **БОЖІЕЙ НИВЫ** и 12 книжекъ **ЗЕРНЫШЕКЪ** для дѣтскаго чтенія. Кроме того, въ текущемъ 1905 г. читатели „Божіей Нивы“, съ благословенія Московск. первосвятителя, получаютъ *бесплатное* приложеніе въ видѣ книги подъ заглавіемъ: **БЕСѢДЫ О ВОСПИТАНІИ ДѢТЕЙ**, которая въ отдѣльной продажѣ можетъ быть высылаема за 40 к. съ перес. Цѣна остается та же—1 р. въ годъ съ пересылкою.

Журналъ „**БОЖІА НИВА**“ одобренъ Училищнымъ Совѣтомъ при Св. Синодѣ для выписки въ бібліотеки церковныхъ школъ.—Епархіальные Училищные Совѣты могутъ вносить „Божію Ниву“ въ списокъ изданій, требуемыхъ ими изъ Училищнаго, при Св. Синодѣ, Совѣта за счетъ суммъ, ассигнуемыхъ на школьныя бібліотеки.

Подписка на текущий годъ продолжается. Первый томъ **БОЖІЕЙ НИВЫ** (1—12 1902 г.), а также 2-й томъ (13—24 1903 г.) и 3-й томъ (25—36 1904 г.) можно получать безъ переплета за 1 р. 10 к. каждый томъ, а въ колѣнкоровомъ переплетѣ за 1 р. 75 к. съ пересылкою. **ЗЕРНЫШКИ** можно получать по 5 к. за книжку безъ пересылки и по 7 к. съ пересылкою, а при требованіи на 1 р. высылаются 20 книжекъ.

Редакція покорнѣйше проситъ г. г. подписчиковъ, при возобновленіи подписки наклеивать на переводный почтовый бланкъ или письмо свой печатный адресъ, подъ которымъ „Божія Нива“ получалась въ прошломъ году. Наложнымъ платежомъ журналъ не высылается.

Редакторъ *Епископъ НИКОНЪ.*

ВОСПИТАТЕЛЬНОЕ ЗНАЧЕНІЕ И ХАРАКТЕРЪ ПУТЕШЕСТВІЙ НАЧАЛЬНОЙ ШКОЛЫ¹⁾.

Современность въ непрерывной борьбѣ и погонѣ за удобствами внѣшней беспечальной жизни утрачиваетъ и утрачиваетъ великую тайну постиженія связи между настоящимъ и прошлымъ, тайну живой любви къ преданіямъ и къ общему складу древнерусской жизни. Отъ насъ болѣе и болѣе ускользаетъ та неуловимая нить, которая еще и доселѣ объединяетъ людей вѣры и православно-русскаго настроенія съ дорогимъ прошлымъ своей родины. Мы мало интересуемся православно-русскими святынями и вообще доброй родной стариной. И не этимъ ли оскудѣняемъ любовнаго чувства къ давнему и недавнему прошлому нашей родины, не этимъ ли пренебреженіемъ къ памятникамъ старины опредѣляется отчасти характеръ той скрытой работы, которая, знаемъ всѣ мы, направляется къ неспроверженію нашего государственнаго строя?..

Но Русь коренная, Русь православная, въ своей еще не разложившейся части, всегда ревниво оберегала и оберегаетъ въ сердцѣ своемъ любовь къ священнымъ памятникамъ сѣдой старины и къ тѣмъ мѣстамъ, въ коихъ особенно чувствовалось біеніе русской

жизни, кои запечатлѣны дѣятельностью великихъ строителей нашей государственной и церковной жизни. И подвигъ благочестиваго паломника, терпѣливо и съ духовною усладою вытаптывающаго своими ногами иногда тысячеверстныя тропинки, ведущія къ святымъ угодникамъ, и любознательность путешественника, внимательно заглядывающаго въ тихіе уголки нашей Руси, въ которыхъ загоралась когда-то яркая заря нашей исторической жизни,—все это часто безмолвные, но настойчивые протесты противъ забвенія родного прошлаго, все это живое, хотя и не всегда сознаваемое охраненіе и возгрѣваніе чувства любви къ стародавнему,—возгрѣваніе того могучаго чувства, которымъ, какъ незримую нитью, отдѣльные моменты минувшаго неразрывно связываются съ настоящимъ...

Вотъ почему еще задолго до современныхъ и, нужно сказать, оживленныхъ толковъ объ экскурсіяхъ и съ ихъ значеніемъ въ общей системѣ воспитанія и образованія подрастающаго поколѣнія Русскій народъ *самъ* опредѣлилъ характеръ паломничества и путешествій, къ которымъ, по примѣру Запада, педагоги такъ настойчиво призываютъ теперь учащихся всѣхъ возрастовъ и состояній. Про-

¹⁾ Чтеніе, предложенное на собраніи учителей и учительницъ ц.-прих. школъ въ Москвѣ 1905 г. 28 января.

слѣдите исторію великихъ духовныхъ богатырей, жизнь и дѣятельность которыхъ оставила яркій, и потому болѣе замѣтный для насъ, слѣдъ въ исторіи. Ихъ всѣхъ можно назвать экскурсантами въ лучшемъ значеніи этого слова. И въ хоромахъ благочестивыхъ бояръ и зажиточныхъ горожанъ, и въ убогой лачужкѣ добрыхъ поселянъ—въ этихъ гнѣздышкахъ, въ коихъ подвижниками вѣры и благочестія переживались первые проблески сознательной жизни, часто можно было видѣть въ стародавнее время такую картину общаго содержанія. Кроткій отрокъ тихо сидитъ среди случайныхъ гостей—странниковъ, которые простымъ, безхитростнымъ языкомъ разсказываютъ нищелюбцу и страннолюбцу—хозяину о святыхъ мѣстахъ и о чудесахъ святыхъ угодниковъ. Всѣ, отъ большаго до малаго, внемлютъ, чутко внемлютъ, какъ умѣли внимать встарь православно-русскіе люди, голосу странника,—внемлютъ и умиляются. А воспримчивая душа юнаго слушателя уже мысленно шествуетъ за разсказчикомъ и въ святую землю, и на Аѳонъ, и къ разнымъ святынямъ Русской земли.. Проходятъ годы, и вотъ въ благочестивой семьѣ, какъ у корня могучаго дуба, рвутся къ свѣту съ жаждой евангельской правды молодые побѣги... Что-то манящее, властное, влечетъ ихъ въ славные веси и грады, къ родникамъ благодатной жизни — къ святымъ и многоцѣлебнымъ мощамъ угодниковъ Божіихъ, показавшихъ намъ путь къ вѣчной правдѣ Божіей... И они идутъ, идутъ въ отдаленное, иногда, странствованіе, презрѣвъ славу и почести міра сего... Такова, по крайней мѣрѣ, первоначальная исторія жизни нашихъ многихъ великихъ подвижниковъ... Этой же любовью къ родной

странѣ, но сначала любовью безсознательной, смутной, подвизаются и всѣ наши православно-русскіе паломники на дальнія странствованія по святымъ мѣстамъ: сердце всѣхъ ихъ горитъ страстнымъ желаніемъ дать живое содержаніе той любви, которую лелѣютъ они въ своемъ сердцѣ къ всему тому, на чемъ лежитъ отпечатокъ святости...

Этимъ самъ собою опредѣляется воспитательный характеръ экскурсій, которымъ по преимуществу должны отличаться всѣ путешествія и паломничества подрастающаго поколѣнія нашихъ поселянъ. И неудивительно поэтому если лучшіе русскіе практики-педагоги всегда предпочитали религіозныя и патріотическія паломничества дѣтей простымъ безцѣльнымъ прогулкамъ, и если они, какъ, напри- мѣръ, нашъ незабвенный С. А. Рачинскій, заслуженно переживали священныя мгновенія восторга при видѣ оживленной, незнающей усталости и беззаботно-веселой толпы дѣтвора въ то время, когда они водили ее подъ сѣнь старорусскихъ святынь и храмовъ—туда, гдѣ какъ-то невольно отдаешься молитвенному созерцанію, гдѣ всё отмѣчено чѣмъ-то неземнымъ, возвышающимъ и очищающимъ душу, омывающимъ скверну душевную, воздвигающимъ въ сердцѣ чистыя, добрыя, свѣтлыя думы и чувства. „Идешь,— какъ-то недавно писалъ намъ на основаніи личнаго опыта одинъ безкорыстный труженикъ—сельскій учитель, ¹⁾— съ милой дѣтской семьей по дорогѣ въ святую обитель, — по сторонамъ неоглядная даль полей, море свѣжей зелени, потоки свѣта, чиликанье птичекъ, душистый запахъ наливающихся хлѣбовъ, а вверху, надъ толпой бѣло-

¹⁾ С. А. Козубовскій.

курыхъ дѣтскихъ головокъ, чистое, какъ слеза праведника, прекрасно, широкое и глубокое небо, а на немъ едва замѣтная дымка легкихъ облачковъ... Хорошо... Свѣтло... Тихо... А когда достигнешь завѣтной цѣли,—какимъ покоемъ дышитъ грудь, какъ хочется о чемъ-то хорошемъ, нужномъ и безконечно-дорогомъ молиться, слезно, умиленно, и долго молиться!.. А тамъ — священный сумракъ храма, кроткій блескъ свѣчей, торжественныя, полныя дивной красоты, церковныя службы, — все чистыя, обновляющія душу впечатлѣнія, и на фонѣ всего этого — серьезно-вдумчивыя, прекрасныя въ своей молитвенной напряженности, дорогія дѣтскія личики!..

Не забыть такихъ минутъ до могилы!“

И нужно-ли говорить о томъ, какъ дороги для дѣтскаго возраста эти священные минуты религіознаго вдохновенія, о которомъ такъ часто забываемъ мы въ наши „лукавые дни“, увлекаясь всякаго рода мишурою и новшествами...

А сколько у насъ на Руси такихъ возбудителей религіознаго и патриотическаго чувства—объ этомъ хорошо извѣстно всѣмъ и каждому. Матушка Москва съ ея Кремлемъ, туманный Петербургъ, древлестольный Кіевъ—мать русскихъ городовъ, великій нѣкогда Новгородъ, Владиміръ на Клязьмѣ—этотъ недолгій столичный городъ молодой Руси, старый Псковъ, Казань — древняя столица хановъ, Тверь, Ярославль и др.—всѣ это общія средоточія святынь, всѣ это вѣчныя скрижали древней Руси, всѣ это памятники славныхъ страницъ ея прошлаго, въ которыхъ и около которыхъ широкою сѣтью раскинулись тихія обители. Такъ, почти каждый уголокъ нашей родины имѣетъ свою сѣдую, почтенную старину, которая естествен-

но и должна манить къ себѣ старыхъ и малыхъ. И какъ жаль, что мы—обдѣннѣвшіе жизнью, охладившіе въ себѣ живое, патриотическое и религіозное чувство—не бываемъ иногда въ состояніи възгрѣть въ молодомъ поколѣніи тѣ священные образы, которые приносятся дѣтямъ еще до порога школы... Мы часто считаемъ школяровъ глупенькими и, приспособляясь къ этой мнимой глупости, преподносимъ имъ свою собственную, когда слишкомъ легкомысленно относимся къ зачаткамъ ихъ религіознаго чувства, когда не дѣлаемъ попытокъ оживотворить его и дать ему содержаніе, хотя и имѣемъ, иногда, подъ руками всѣ средства къ этому...

Нѣтъ, конечно, ничего предосудительнаго и въ томъ, что нѣкоторые изъ современныхъ педагоговъ, по примѣру Запада, обращаютъ экскурсіи въ средства изученія естествознанія, географіи и геологіи и вообще всего прекраснаго Божьяго міра. Таковымъ характеромъ давно уже отличаются экскурсіи, практикуемыя въ низшихъ и среднихъ школахъ Германіи, Франціи и особенно Швейцаріи, гдѣ въ лѣтніе мѣсяцы можно постоянно встрѣчать „путешествующія школы“ самыхъ разнообразныхъ типовъ. Разумность и такихъ экскурсій не можетъ быть оспариваема. Вѣдь несомнѣнно многія и очень многія дѣти и особенно дѣти нашихъ городскихъ школъ—дѣти узкихъ, пыльныхъ и однообразныхъ улицъ—очень часто не имѣютъ представленія о самыхъ обыкновенныхъ явленіяхъ окружающаго міра, болѣе внимательное ознакомленіе съ которыми раскрываетъ предъ ними великую общедоступную книгу — книгу природы, питающую религіозную дѣтскую настроенность и развивающую въ нихъ эстетическій вкусъ. Извѣ-

стно, по крайней мѣрѣ, что дѣти не только нашихъ, но и заграничныхъ школъ, гдѣ такъ широко развиты образовательныя экскурсіи, очень мало знакомы съ красотами природы. Не такъ давно западный педагогъ Трункъ попытался повѣрить степень знакомства дѣтей одного нѣмецкаго городка Фохтланда съ природою,—и оказалось, что изъ 500 дѣтей школьнаго возраста 82% не имѣли никакого представленія о восходѣ солнца, 70%—о закатѣ; 37% не видѣли хлѣбнаго поля и столько же никогда не были въ лѣсу; 29% не были на рѣкѣ; 52% не были никогда на горѣ. Подобные-же результаты получились при испытаніи дѣтей города Берлина ¹⁾. То же самое можно сказать съ увѣренностію и объ ученикахъ нашихъ начальныхъ и особенно городскихъ и столичныхъ школъ.

Понятно, поэтому, какъ важно восполнить этотъ пробѣлъ въ сознаніи подрастающаго поколѣнія, какъ важно дать, хотя бы въ маленькой прогулкѣ, отдохновеніе душевнымъ и тѣлеснымъ силамъ учащихся, школьная жизнь которыхъ такъ бѣдна отрадными освѣжающими впечатлѣніями... Да и для самаго трудника на нивѣ дѣтскихъ сердець, радѣющаго о благѣ своихъ питомцевъ, развѣ не отратно отдохнуть съ своими птенцами отъ школьныхъ занятій на лонѣ природы?! Выйти съ дѣтями въ садъ, въ паркъ, въ поле, на берегъ рѣки, познакомиться ихъ съ различными видами растительнаго и животнаго міра, съ жизнью хлѣбныхъ растений, свести ихъ на гору, на озеро и здѣсь сообщить имъ свѣдѣнія объ этихъ предметахъ, ознакомить ихъ съ возвышенностію, холмомъ, съ истокомъ ручейка и рѣч-

ки, равниною и низменностію, показать имъ восходъ и заходъ солнца и напомнить о Виновникѣ всѣхъ красотъ,—развѣ это не развивающее душу подрастающаго поколѣнія развлеченіе?! Вѣдь всё это поистинѣ можетъ служить лучшимъ средствомъ къ тому, чтобы отдѣльныя мгновенія прекраснаго настоящаго были предощушеніемъ непреходящаго, вѣчнаго... Вѣдь всё это залогъ того, что юное поколѣніе не дастъ изъ своей среды тѣхъ холодныхъ резонеровъ, о которыхъ говоритъ поэтъ:

Лучи къ нимъ въ душу не сходили,
Весна въ груди ихъ не цвѣла,

При нихъ лѣса не говорили

И ночь въ звѣздахъ нѣма была...

Здѣсь намъ невольно припоминаются предсмертныя слова маленькаго Люнеля ¹⁾ своему профессору: „милый мой профессоръ... Если будете учить маленькихъ мальчиковъ, мнѣ кажется, что всего лучше было-бы вамъ научить ихъ вѣровать въ Бога—въ Бога, Который все создалъ и всѣхъ любить и Самъ откроетъ намъ въ свое время великую тайну творенія,—тогда насколько радостнѣе жило-бы имъ!“

Показать, далѣе, дѣтямъ окрестности роднаго города, поселка, объяснить конечные пункты пролегающей вблизи ихъ дороги, рассказать исторію своего храма, сосѣдней часовенки, кургановъ, которые въ изобиліи разсѣяны по разнымъ мѣстамъ Руси и съ которыми связываются иногда любопытныя историческія и легендарныя сказанія,—все это развѣ не возгрѣваетъ любви къ своему родному, къ которому такъ замѣтно охладѣваемъ мы?!.. И кто не знаетъ того, какъ еще въ дѣтствѣ полюбившій свой родной уголокъ и потомъ всегда

¹⁾ См. Нач. Обуч. 1904, 9, стр. 353. 354.

¹⁾ Исторія дѣтской души.

дорожить своею родиной, которая так мила сердцу своими плѣнительными

воспоминаніями, окружающими утро и колыбель человѣчества!

(Окончаніе слѣдуетъ).

Димитрій Введенскій.

ПЕРВАЯ ЗАДАЧА НАЧАЛЬНОЙ ШКОЛЫ ¹⁾.

Всякая начальная школа въ православно-славной Россіи для православныхъ жителей ея должна быть преддверіемъ храма. *Всякая* начальная школа, прежде чѣмъ дать знаніе дѣтямъ, должна научить ихъ Богу молиться. Не только такъ, какъ мать свое дитя учитъ, а болѣе сознательно, съ разумнѣніемъ смысла молитвъ. Школа должна прежде всего приучить ребенка къ разумной хрістіанской жизни въ Церкви. Для этого она приучаетъ ребенка къ участию его въ храмовомъ богослуженіи, чтобы онъ понималъ, что совершается въ церкви Божіей, что поютъ, что читаютъ, чтобы онъ самъ участвовалъ въ этомъ чтеніи и пѣніи, въ этомъ непрестанномъ славословіи Богу. *Начальная* школа должна *прежде всего* воспитать религиозное чувство дѣтей, отвѣтить на инстинктивное стремленіе ихъ душъ къ Богу.

Замѣчали ли вы, отцы и матери, какъ самыя маленькія дѣточки, которыхъ хоть разъ привели въ церковь, тянутся потомъ сами туда же, сами хотятъ итти къ „Боженькѣ“? И это такъ понятно. Вѣдь дѣтская душа еще не испорченная; она лучше нашего чувствуетъ Свѣтъ Божественный и тянется къ нему. Вѣдь и къ Господу Иисусу

Хрісту дѣтки сами шли, и Онъ съ любовью принималъ ихъ и не позволялъ ученикамъ отгонять ихъ отъ Себя.

Кто же нашихъ дѣтокъ приводитъ ко Спасителю, кто имъ указываетъ, гдѣ найти Его и какъ Ему служить?— Это дѣло начальной школы.

Отецъ семьи, занятый тяжелой службой, не можетъ подчасъ и самъ притти въ храмъ помолиться; не можетъ и мать, обремененная многочисленной семьей, не только научить, но иногда и ласковое слово сказать своему ребенку. И вотъ ихъ обязанности беретъ на себя школа.

Когда вы видите дѣтей чинно стоящихъ за богослуженіемъ, принимающихъ участіе въ немъ чтеніемъ и пѣніемъ, когда вы видите ихъ благоговѣйно всей школой приступающихъ ко святѣйшему таинству причащенія тѣла и крови Хрістовой, знайте, что ими усвоивается въ это время самая мудрая и самая нужная изъ всѣхъ наукъ—*познаніе Бога*.

Пройдутъ годы и десятки лѣтъ. Дѣти вырастутъ, узнаютъ жизнь, будутъ сами изнемогать подъ тяжестью заботъ о кускѣ хлѣба, загрязнятся ихъ души въ житейской борьбѣ, многому дурному научатся, многое хорошее забудутъ,—но тѣ сѣмена, которыя посеяны въ ихъ сердцахъ въ дѣтскомъ возрастѣ, не заглухнутъ, и при всякой обстановкѣ дадутъ свой плодъ.

На какомъ бы скользкомъ пути человѣкъ ни находился, но если страхъ

¹⁾ Отрывокъ изъ слова, произнесеннаго 23 ноября въ Александро-Невскомъ храмѣ при Пересыльной Тюрьмѣ въ Москвѣ, по случаю празднованія 10-лѣтія существованія при Тюрьмѣ церковно-приходской школы для надзирательскихъ дѣтей.

Божій теплится въ его сердцѣ, онъ удержится отъ паденія. Какъ бы онъ ни былъ несчастливъ въ своей жизни, но если онъ съ дѣтства привыкъ обращаться къ Господу съ молитвою, онъ все вытерпитъ, все вынесетъ, а не впадетъ въ отчаяніе. Дорожите же, родители, той школой, которая эти сѣмена сѣетъ въ сердца вашихъ дѣтей!

Какъ много въ наше время слышишь горькихъ жалобъ родителей на непослушаніе и дерзость своихъ взрослыхъ дѣтей! Сколько горькихъ слезъ льютъ старики, видя полную распущенность своей молодежи! Но въ комъ нѣтъ страха Божія, тотъ можетъ ли бояться и почитать своихъ родителей? И кто въ дѣтствѣ не получилъ религіознаго воспитанія,—кто и что можетъ удерживать его отъ распущенности?

Не торопитесь же, отцы и матери, давать своимъ дѣтямъ практическія знанія. Не слѣшите выборомъ училищъ или учебныхъ заведеній, наиболѣе, по вашему мнѣнію, приспособленныхъ для достиженія *практическихъ* цѣлей. Все это въ свое время будетъ; все это само собой придетъ. Всякое знаніе можно всегда приобрѣсти; религіозное же воспитаніе возможно только въ дѣтствѣ. Только дѣтское сердце наиболѣе воспримчиво къ религіознымъ впечатлѣніямъ. И что въ этомъ возрастѣ упущено, то уже *никогда* не будетъ возмѣщено.

Какъ приложимы и къ этому случаю слова Господни: „ищите же *прежде* Царствія Божія и правды его, и сія вся приложатся вамъ“ (Мѡ. 6, 33)!

Свящ. / *Фудель.*

О ДѢТСКИХЪ СПЕКТАКЛЯХЪ.

(По поводу доклада въ педагогическомъ Обществѣ Г. И. Россоломо, —10 дек. прошлаго года).

Много ли еще найдется на землѣ такихъ великихъ и благородныхъ дѣлъ, какъ защита слабыхъ и беззащитныхъ?..

Къ числу такихъ существъ, прежде всего, конечно, относятся дѣти и, думается, что великую награду получаютъ отъ Бога тѣ люди, которые такъ или иначе вступаются за дѣтей и обличаютъ ихъ обидчиковъ.

А обидчиковъ у дѣтей великое множество.

У маленькихъ созданій столько обидчиковъ, сколько, пожалуй, ни у кого въ мірѣ.

Къ числу ихъ, прежде всего, принадлежимъ мы, взрослые, которые, вмѣсто сіянія въ насъ красоты образа Божія, даемъ дѣтямъ, въ лицѣ своемъ,

чаще всего, зрѣлище нравственныхъ уродствъ и безобразій, нравственной безалаберщины и распущенности. Мы являемся первыми и главными обидчиками впечатлительныхъ и наблюдательныхъ дѣтей. И они вырастаютъ такими же, какъ и мы, а потомъ и ненавидятъ и клянутъ жизнь чуть не на зарѣ своего бытія.

Съ нами за одно, противъ дѣтей сплошь и рядомъ идутъ еще наши добрые союзники, — живущіе среди насъ предрасудки и дикія понятія, которыхъ, чѣмъ дальше отходимъ мы отъ Хріста, тѣмъ все болѣе и болѣе появляется среди нашего интеллигентнаго общества. Когда надолго скрывается солнце и наступаетъ сырая и гнилая погода, всегда въѣдъ

начинають появлятися въ избыткѣ всякаго рода черви и слизняки.

Въ послѣднее время особенно много развелось этой отвратительной слизи, этихъ предрасудковъ, изъ которыхъ очень многіе имѣють отношеніе и къ дѣтямъ,—предрасудокъ, на примѣръ, о постѣ, что онъ вреденъ дѣтямъ, предрасудокъ о театрѣ, что онъ не вреденъ дѣтямъ,—о дѣтскихъ спектакляхъ, что они полезны дѣтямъ и т. д.,—всего не перечтешь. Противъ нихъ иногда раздаются громкіе голоса трезвыхъ защитниковъ дѣтей, появляются разумныя, убѣдительныя слова, къ которымъ общество начинаетъ прислушиваться.

Къ числу такихъ словъ несомнѣнно принадлежитъ и слово Г. И. Россолимо, сдѣлавшаго 10 декабря прошлаго года въ отдѣленіи педагогическаго Общества по вопросамъ семейнаго воспитанія докладъ на тему „Къ вопросу о роли театра въ воспитаніи“.

Докладъ этотъ настолько замѣчательнъ, что на него слѣдовало бы обратить самое серьезное вниманіе нашимъ родителямъ и воспитателямъ.

Въ своемъ докладѣ Г. И. Россолимо прежде всего отмѣчаетъ неправильность разсужденія многихъ родителей и воспитателей о томъ, что будто пріятное взрослымъ—пріятно и дѣтямъ; забываютъ, по словамъ докладчика, они о томъ, что кругъ интересовъ дѣтей и взрослыхъ сильно разнится и для многихъ воспріятій душа ребенка закрыта. Театръ приноситъ вредъ и душѣ, и тѣлу ребенка. Въ Маленькихъ, пяти—шести лѣтнихъ, дѣтяхъ театръ возбуждаетъ только низшіе эмоціональныя стороны души; не приноситъ онъ ожидаемой пользы и болѣе взрослымъ дѣтямъ (до 13—14 лѣтъ), такъ какъ въ этомъ возрастѣ дѣти еще не могутъ анализировать

своихъ впечатлѣній; сильныя же эмоціи, какъ ужасъ ожиданія, страхъ и др., вредно дѣйствуютъ на душу. Нѣкоторую пользу,—притомъ такую, которую можно получить и другимъ путемъ,—театръ можетъ принести лишь дѣтямъ болѣе старшаго возраста, но и то только при условіи умѣлаго подбора пьесъ. Переходя къ разсмотрѣнію спектаклей съ участіемъ дѣтей, Г. И. Россолимо вспоминаетъ Н. И. Пирогова. Пятьдесятъ лѣтъ назадъ, въ статьѣ „Быть или казаться“, этотъ знаменитый педагогъ твердо указалъ на вредъ тѣхъ развлеченій, которыя развиваютъ въ дѣтяхъ подражательность и тщеславіе. А во время дѣтскихъ спектаклей вслѣдъ за невинными удовольствіями (сообщество дѣтей и взрослыхъ, оживленныя приготовленія) всегда возникаютъ вредныя послѣдствія, въ видѣ развитія тщеславія при успѣхѣхъ и зависти, при неудачѣ. Кромѣ того, Г. И. Россолимо еще отмѣчаетъ слѣдующее: специическое творчество у опытныхъ артистовъ вызываетъ процессъ трансформации личности, быстрого отрѣшенія отъ своего „я“; у ребенка не можетъ быть подобной гибкости души и аналогичнаго процесса не происходитъ; однако, произнесеніе чужихъ словъ и изображеніе другой личности въ ребенкѣ вызываетъ кривлянье и неестественность, чего, во всякомъ случаѣ, желать никакъ нельзя. Въ физическомъ отношеніи дѣтскіе спектакли безусловно вредны (долгое пребываніе въ духотѣ, сильное утомленіе и усталость, чрезмѣрная затрата энергіи и др.).

Итакъ, вотъ даже специалистъ-психіатръ, профессоръ, категорически высказался противъ дѣтскихъ спектаклей и допущенія дѣтей на театральныя представленія ранѣе извѣстнаго возраста (14 л.).

Но образумить ли его трезвый голосъ тѣхъ сердобольныхъ родителей, которые, чуть не ежедневно давая передъ дѣтьми даровые спектакли, въ которыхъ дѣйствующими лицами являются они сами съ своими пустыми разговорами и дѣйствіями, до ссоры включительно,—считаютъ, однако, своимъ священнымъ долгомъ нѣсколько разъ въ году свозить съ собою въ театръ дѣтей, нерѣдко 6—7-лѣтнихъ крошекъ?

Образумить ли этотъ голосъ тѣхъ, не въ мѣру старательныхъ учителей и учительницъ, которые, разыгрывая въ своихъ классахъ предъ учениками сцены съ раздражительнымъ нервнымъ крикомъ и взвизгиваніями, кричатъ въ то же время о спектакляхъ для дѣтей, нерѣдко и устраиваютъ ихъ въ своихъ школахъ,—и не только въ городахъ, а и по глухимъ деревнямъ, въ самыхъ нѣдрахъ народныхъ, забывая объ отрицательномъ отношеніи деревенскаго люда, *которому они служатъ*, къ театральнымъ зрѣлищамъ?

Послѣднее, т. е. спектакли въ сельскихъ школахъ,—верхъ нравственнаго одичанія ихъ устроителей. Пишущему эти строки только разъ пришлось быть на дѣтскомъ спектаклѣ и никогда онъ не забудетъ той душевной боли, которую пришлось пережить во время этого спектакля. Больно, противно,

омерзительно видѣть играющихъ на сценѣ дѣтей!

Дѣтскіе спектакли въ деревнѣ—не только плодъ недомыслія и неделикатнаго, не-любовнаго („Если ты меня истинно любишь, почти мое, почти то, что я чту“. Дост.) отношенія къ народу, къ его воззрѣніямъ и настроеніямъ, а—преступленіе: да, разъ признано, что они вредятъ душѣ ребенка.

А если такъ, то когда же будетъ положенъ предѣлъ и наложено „veto“ на тѣхъ досужихъ людей, которые поѣдаютъ часы дорогого дѣтскаго досуга, наполняя его пустымъ и вреднымъ дѣломъ? Неужели школьное начальство, инспектора и директора народныхъ школъ, не въ силахъ остановить усердіе не по разуму усердныхъ учительницъ и учителей? Въдь это ихъ дѣло, ихъ прямая обязанность. Неужели у нихъ и теперь, когда даже сама современная наука произнесла свое слово противъ дѣтскихъ спектаклей, не хватитъ духу и смѣлости положить свое veto на эти развлеченія, твердою рукою сдѣлать конецъ тому, что, можетъ быть, давно уже имъ не мило, но чему положить предѣлъ они опасались изъ боязни прослыть ретроградами?..

Теперь ужъ бояться нечего.

Николай Ник.

Изъ учительскихъ дневниковъ.

ПРИМИРЕНІЕ.

„Кто хочетъ быть первымъ, будь изъ всѣхъ послѣднимъ и всѣмъ слугою“. Марка 9, 35.

„Тогда Петръ, приступилъ къ Нему и сказалъ: Господи! сколько разъ прощать брату моему, согрѣшающему противъ меня? до семи ли разъ? Иисусъ говоритъ ему: не говорю тебѣ: до семи, но до седмижды семидесяти разъ“. Матфея 18, 21—22.

Въ N-ской церковно-приходской школѣ, отличавшейся многолюдствомъ, служили два учителя, товарищи по учительской школѣ, Илія Стахѣевъ и Павелъ Бондаренко. Стахѣевъ считался старшимъ, что было весьма не по праву его соратнику и товарищу Бондаренко, и изъ-за этого у нихъ нерѣдко выходили „стычки“, какъ выражался по этому поводу о. завѣдующій, человекъ благодушный и весьма миролюбивый, глядѣвшій на взаимныя неудовольствія учащихся съ добродушной ироніей и не придававшій имъ серьезнаго значенія...

— О. Завѣдующій! — жаловался иногда батюшкѣ Стахѣевъ. — Бондаренко подрываетъ мой авторитетъ въ глазахъ учащихся, мѣшаетъ мнѣ работать спокойно, всегда старается доказывать мнѣ, что я ничего не понимаю... Урезоньте его, ради Бога... Вѣдь отъ этого страдаетъ школьное дѣло!..

— А вы какъ-нибудь этакъ... полюбвиѣ, поспоконителнѣ... совѣтовалъ обыкновенно батюшка. — Побѣждайте его сердце кротостію, смиреніемъ... Этакъ-то лучше будетъ...

И Стахѣевъ уходилъ ни съ чѣмъ...

— Ну, что? получилъ сдачу? — встрѣчалъ Стахѣева помощникъ, насмѣшливо вглядываясь въ его смущенно-взбодораженное лицо. — Больше не пойдешь ябедничать!..

— Подожди, — я о. наблюдателю напишу! Право, напишу! — кричалъ Стахѣевъ, волнуясь и повышая тонъ. — До какихъ поръ это будетъ?!..

При словѣ: „о. наблюдатель“ — Бондаренко блѣднѣлъ и стушевывался...

Время шло, не принося никакихъ улучшеній во взаимныхъ отношеніяхъ учащихся; озлобленіе росло, прорываясь даже въ мелочахъ, что не мало озадачивало школьниковъ; каждый изъ учителей уже заранѣе забраковывалъ всякое доброе начинаніе товарища, называя его непрактичнымъ, неумѣстнымъ, чуть ли не глупымъ... Было похоже на то, что они трудятся и придумываютъ улучшенія не ради самого дѣла, но для того, чтобы больнѣе досадить другъ другу...

Угроза написать о. наблюдателю уже не дѣйствовала, и Стахѣевъ рѣшилъ, наконецъ, довести обо всемъ происшедшемъ до свѣдѣнія начальства. Собравшись съ духомъ, онъ составилъ длиннѣйшее посланіе, въ коемъ перечислилъ до двухсотъ проступковъ своего „антагониста“, какъ онъ затѣйливо выражался въ своемъ посланіи. Кстати, у Стахѣева была даже особая тетрадка для вписыванія всѣхъ „преступленій“ своего помощника, и онъ былъ очень доволенъ, если представлялся случай внести туда что-либо особенно-преступное...

Отвѣтъ не замедлилъ прибыть—такого содержания: „Пріѣду и разсмотрю на мѣстѣ“. Отвѣтъ ошеломилъ обоихъ товарищей. Въ школѣ вдругъ наступила какая-то жуткая, унылая, непривычная тишина. Стахѣвъ надѣялся, что Бондаренко „уберутъ“ безъ всякаго дознанія,—и вдругъ... За нѣсколько дней, въ которые не случилось уже ни одной „стычки“, учителя поблѣднѣли, похудѣли, осунулись... Было уже не до шутокъ... „А что,—думалъ каждый:—если меня уволить изъ школы? Куда я тогда дѣнусь?“...

И передъ ихъ воображеніемъ вставало строгое, недовольное лицо о. наблюдателя, потомъ—строгое разслѣдованіе и постыдное изгнаніе, а тамъ—горе родныхъ, насмѣшки товарищей и односельцевъ, нужда, безконечныя мытарства и униженія въ поискахъ новой должности...

Совѣсть говорила каждому, что онъ неправъ передъ товарищемъ и еще передъ тѣмъ-то, что выше и дороже товарищества и даже самой жизни,—передъ школой, этимъ дѣломъ Божиимъ, порученнымъ въ упованіи на то, что они поведутъ его дружно, умѣло, старательно...

Наконецъ, о. наблюдатель пріѣхалъ.

Сначала онъ произвелъ тщательную ревизію въ школѣ и, убѣдившись въ сравнительно-достаточныхъ знаніяхъ дѣтей, велѣлъ отпустить ихъ по домамъ, а учителей пригласилъ къ батюшкѣ для разбора ихъ взаимныхъ недоразумѣній...

Блѣдные и дрожащіе, въ сущности давно уже примиренные другъ съ другомъ въ душѣ, товарищи смиренно ползели къ батюшкѣ.

— Ну, что, господа дидаскалы?—встрѣтилъ ихъ съ обычнымъ благодушіемъ о. завѣдующій.—Небось,—струсили?..

— Я не буду подробно разбирать всѣхъ вашихъ обвиненій, г. Стахѣвъ!—началь о. наблюдатель,—такъ какъ это ни къ чему не поведетъ... Мнѣ хотѣлось бы только знать, изъ-за чего это началось?

Этотъ простой, повидимому, вопросъ весьма озадачилъ товарищей, такъ какъ оба они никогда даже и не задумывались надъ нимъ и совершенно не знали, чего они въ сущности хотятъ одинъ отъ другого. Но надобно было отвѣчать что-нибудь...

— Онъ подрываетъ мой авторитетъ... всегда со мной спорить... издѣвается надо мной... — плачущимъ голосомъ смущенно повторялъ Стахѣвъ, и было очевидно, что онъ желаетъ не столько обвиненія и увольненія товарища, сколько благополучнаго исхода этого „дѣла“...

— Напротивъ,—это онъ меня обижаетъ,—басилъ въ отвѣтъ Бондаренко.—Если я сдѣлаю что-нибудь лучше его, онъ начинаетъ придирается и доказывать, что я—неучъ и неспособенъ къ учительству... А мы вѣдь—товарищи: окончили одну второклассную школу,—и мнѣ обидно, что онъ все указываетъ...

— Эхъ, вы, молодежь, молодежь!—грустно покачалъ головой о. наблюдатель.—Возня мнѣ съ вами!.. У меня такихъ „дѣлъ“ больше десятка въ уѣздѣ!—обратился онъ къ о. завѣдующему, съ добродушною ироніей глядѣвшему на эту сцену.—И все изъ-за личностей...

— Поймите же, господа, — продолжалъ о. наблюдатель, воодушевляясь,—что въ школьной дѣятельности не должно быть никакихъ личностей... Вѣдь это грѣшно, наконецъ!.. Вы ссоритесь между собой, злобствуете, раздражаетесь, а школьники все это видятъ и недоумѣваютъ... Вѣдь, если

учителя не могут помириться, то что же дѣтямъ остается дѣлать, какъ не драться, расшибать другъ другу носы, возводить „фонари“ и прочее, тому подобное?! Нечего сказать,—хорошій примѣръ подаете вы своимъ питомцамъ!.. А между тѣмъ, вы оба—не плохіе учителя, въ чемъ я сегодня убѣдился во время ревизіи... Спрашивается же: чего ради вамъ ссориться? Допустимъ,—я переведу кого-нибудь въ другую школу. Такъ развѣ дѣло отъ этого выиграетъ? Вѣдь и съ новымъ учителемъ будетъ та же исторія,—неправда ли?

— Правда, совершенная правда...—откровенно сознались товарищи.

— Ну, вотъ видите... Значитъ надо поступить иначе. Вотъ вамъ мой совѣтъ: никогда не обижайтесь, если говорятъ вамъ правду, хотя бы и неприятную для васъ... Безъ правды и глубокаго уваженія къ ней никакое дѣло стоять не можетъ... Выскажетъ кто-либо изъ васъ какое-нибудь мнѣніе,—другой пусть не обижается, но серьезно обдумаетъ это мнѣніе, и если оно окажется справедливымъ, то пусть приметъ его безпрекословно, какъ истинное. Въ другомъ случаѣ—несправедливость мнѣнія товарища можно обнаружить спокойнымъ и благожелательнымъ совмѣстнымъ обсужденіемъ высказаннаго мнѣнія,—и разъ будетъ ясно и неопровержимо доказана его неосновательность,—неправильное мнѣніе должно быть отвергнуто безъ малѣйшихъ колебаній, какъ ложное.. Вотъ единственный путь, на коемъ возможна плодотворная совмѣстная работа людей... Другого пути нѣтъ и не можетъ быть... Конечно, для этого необходимо также уваженіе къ личности товарища, уваженіе къ каждому его сужденію, даже ошибочному (посколькѣ оно искренно), искреннее же-

ланіе уяснить правду, горячая любовь къ школьному дѣлу, подавленіе въ себѣ недобрыхъ, завистливыхъ чувствъ и мыслей, самообладаніе, скромность, нелицепріятное отношеніе къ себѣ и къ ближнимъ и многое другое, что уяснится потомъ и само собою, если вы искренно пойдете навстрѣчу другъ другу, и, забывъ все свои пререканія и неприятности, начнете новую, лучшую жизнь... А лучшая жизнь для васъ еще возможна, ибо вы молоды, и жизнь пока не вытравила изъ васъ хорошихъ, свѣтлыхъ чувствъ и порывовъ...

— Нужно смириться,—добавилъ и о. завѣдующій школой.—Послушайте вотъ, что говоритъ блаженный старецъ Оптивскій, Амвросій: „Жить—не тужить, никого не осуждать, никому не досаждать, и всемъ мое почтеніе!“ „Не тужить“: чтобъ сердце не побѣждалось страстями, а побѣждало скорби воздыханіями къ Источнику вѣчной сладости, Хрісту, „не осуждать, не досаждать“: вѣдь это—два самыхъ распространенныхъ и самыхъ ужасныхъ грѣха. Ихъ однихъ довольно, чтобы свести душу человѣка на дно адаво, а ихъ отсутствіе—любовное, доброжелательное отношеніе къ людямъ есть легчайшій путь ко спасенію. Но конецъ всѣхъ добродѣтелей, это есть смиреніе, на которое указываютъ слова старца: „всѣмъ мое почтеніе“... ¹⁾

А вотъ такъ же поучительный случай изъ жизни покойнаго профессора Московской Духовной Академіи, Дмитрія Θεодоровича Голубинскаго, о которомъ я только что читаль... Да вотъ и книжка. Послушайте, господа,—очень интересно.

...„Это было такъ. Помнимъ, не безъ нѣкотораго самодовольства (пишетъ

¹⁾ „Кормчій“, 1904 г., № 40.

авторъ, питомецъ покойнаго, нынѣ со-работникъ на духовной нивѣ), мы въ сообществѣ съ сотоварищами, чело-вѣкъ двѣнадцать, впервые подъѣзжали на большихъ посадскихъ коляскахъ — рыдванахъ къ дверямъ академіи. Съ нами, разумѣется, саквояжи, чемоданы, корзины. Академія была намъ неизвѣстна... Намъ казалось, что у академическаго подъезда насъ долженъ встрѣтить какой-либо важный бородачъ швейцаръ, и что если-бы намъ пришлось увидѣть здѣсь профессора, то мы сразу-бы узнали его: онъ, по нашимъ первоначальнымъ представленіямъ, долженъ быть непременно человекомъ съ солидной наружностью, съ величавой походкой. Вѣдь академія, а не какая нибудь захолустная семинарія... Но вотъ мы остановились у академіи. Входъ не поразилъ насъ: легонькія желѣзныя колонки, какія были тогда у академическаго подъезда, мы видали даже у сельскихъ трактировъ. Ожидаемъ встрѣчи... Но никто, повидимому, не хотѣлъ и вниманія—то обращать на насъ. Вмѣсто какого-либо важнаго швейцара изъ дверей показался сѣдой старичекъ... Онъ вышелъ безъ фуражки, набожно перекрестился и сталъ, неспѣша, надѣвать свой глубокой картузъ. Неожиданно появившійся старичекъ былъ намъ находкой: онъ могъ указать, куда направиться, а то, пожалуй, и помочь выбраться изъ экипажей... Такъ, по крайней мѣрѣ, рѣшилъ одинъ изъ нашихъ товарищей, окрикнувшій только что появившагося старца: „Эй, старина! позволь-бы ты швейцара — самъ-то вишь старъ, не дотащишь нашихъ корзины, а то не знаемъ, куда дѣваться!“... Старина смиренно склонилъ голову и, возвратившись въ академію, позвалъ швейцара... Швейцаръ оказался очень не важ-

нымъ—почти безъ бороды и безъ особаго наряда... Словомъ не удивиль. И мы, не обращая на него вниманія, стали направляться къ указанному намъ пріюту—боковому зданію... Впрочемъ, одинъ изъ насъ не хотѣлъ кончать со старичкомъ, который былъ такъ ласковъ, такъ молчаливо-привѣтливъ. „А кто это?“—спросилъ онъ у товарища. „Это—это здѣшній профессоръ“,—послышался отвѣтъ... То, дѣйствительно, былъ Димитрій Θεодоровичъ Голубинскій... „Стало быть, профессора академіи отличаются простою и незлобіемъ,—рѣшили мы тогда,—а не величіемъ“... ¹⁾

— Такъ-то, господа дидаскалы!—заключилъ о. завѣдующій. — Профессоръ академіи, труженикъ науки, смиряется, поражаетъ людей своимъ незлобіемъ и уступчивостью, а намъ тѣмъ паче не должно возноситься, вымещать другъ другу...

— Помиритесь, господа... помиритесь сейчасъ-же!—предложилъ о. наблюдатель.

Товарищи молчали и конфузливо поглядывали другъ на друга исподлобья. Затѣмъ они неловко двинулись другъ къ другу и обнялись; лица ихъ вспыхнули и засвѣтились новымъ, уже дружескимъ чувствомъ...

— Ну, вотъ и ладно!—похвалилъ о. наблюдатель.—Теперь дальше. Въ большинствѣ случаевъ люди ссорятся отъ скуки, отъ недостатка живой захватывающей дѣятельности, которая наполняла бы ихъ досугъ разумнымъ содержаніемъ, доставляла бы душѣ достаточный матеріалъ для ея безостановочной работы... Почему вы не устроите, на примѣръ, товарищескихъ чтеній?—пригласите для этой цѣли

¹⁾ „Православный богословъ и смиренный хрістіанинъ“, Д. И. Введенскаго, стр. 19—20.

и псаломщика, и сидѣльца, и другихъ мѣстныхъ интеллигентовъ. Вѣдь теперь выходитъ такъ много хорошаго и интереснаго, особенно въ области духовной литературы. Выпишите себѣ хоть-бы „Душеполезное чтеніе“, „Отдыхъ хрістіанина“, „Кормчіи“, „Странникъ“, „Народное Образование“, „Божію Ниву“, „Троицкіе Листки“, „Псаломникъ“, „Русское чтеніе“, „Народную бібліотеку“ — выборъ достаточный... Всѣ мы считаемъ себя хрістіанами и думаемъ, что ученіе Хріста вполне намъ извѣстно. А между тѣмъ нѣтъ ошибки печальнѣе и гибельнѣе, чѣмъ эта... Евангельское ученіе глубоко и безконечно, и еще ни одинъ человекъ не могъ похвалиться всестороннимъ знаніемъ вѣчной книги жизни, не смотря на то, что люди читаютъ и изучаютъ ее уже много столѣтій... И сколько высокихъ, святыхъ мыслей, чувствъ и впечатлѣній зарождается въ душѣ при вдумчивомъ, благоговѣйномъ чтеніи св. Евангелія!.. Отъ души рекомендую вамъ выписать „Троицкое толковое Евангеліе отъ Маттея“, изданное подъ сѣнію обители преподобнаго Сергія. Это — полное, доступное и душевное толкованіе евангельскихъ истинъ, основанное, главнымъ образомъ, на святоотческихъ твореніяхъ и проникнутое рѣдкой теплотой чувства и хрістіанскимъ смиренномудріемъ... Слогъ — ровный, легкій, полный выношеннаго въ глубинѣ духа, неподдѣльно — глубокаго благоговѣнія, чистый и сіяющій обаяніемъ нравственной красоты и чистоты душевной... Прочтите его не разъ, а нѣсколько разъ, постарайтесь проникнуть сердцемъ въ каждое слово, въ каждое выраженіе, — и вы не захотите тогда тратить драгоцѣнное время на пустые переборы и недоразумѣнія... Очень было-бы желательно, чтобы на этихъ

чтеніяхъ присутствовали старшіе ученики школы и ихъ родители, а также и участники церковнаго хора... Кстати: кто изъ васъ править хоромъ?

Товарищи смутились.

— И здѣсь они не ладятъ, — замѣтилъ о. завѣдующій, очень довольный благополучнымъ окончаніемъ „дознанія“, — Посовѣтуйте, какъ быть? Оба они одинаково знаютъ пѣніе, но у Бондаренко голосъ лучше, и больше увѣренности въ себѣ... Я просилъ ихъ пѣть поочередно?..

— Думаю — гораздо удобнѣе было-бы поручить хоръ одному изъ нихъ. Ну, господа, — рѣшайте: кому править хоромъ?

— Пускай правитъ Бондаренко — нерѣшительно заявилъ Стахѣевъ. — Я лишь буду ему помогать разучивать піесы... Пусть только не заставляетъ меня становиться между басами: это для меня унижительно...

— Конечно, заставлять не слѣдуетъ. Но я увѣренъ, что вы и сами не утерпите и станете, если дѣйствительно любите пѣть въ церкви... Церковное пѣніе — дѣло настолько важное, что для него не мѣшало-бы нѣсколько поступиться личнымъ самолюбіемъ... Впрочемъ какъ хотите...

Итакъ, господа, — закончилъ о. наблюдатель: — я надѣюсь, что вы подумаете надъ моими словами и постараетесь оправдать то довѣріе, которое я оказалъ вамъ, не смотря на ваше, болѣе чѣмъ нетактичное, поведеніе въ школѣ... Желаю вамъ успѣха въ вашемъ скромномъ дѣланіи и предупреждаю: въ другой разъ я буду взыскательнѣе!..

Послѣ чая о. наблюдатель уѣхалъ.

„Ваше высокоблагословеніе, глубокоуважаемый о. Василій!“ — писалъ о. наблюдателю о. Завѣдующій школой черезъ полгода послѣ описаннаго „до-

знанія“.—„Искренно благодарю васъ за ваши добрые совѣты и указанія: мои дидаскалы совершенно переродились, такъ что теперь трудно и узнать ихъ! Изъ враговъ они сдѣлались закадычными друзьями: вмѣстѣ выписываютъ книжки и журналы, вмѣстѣ читаютъ, бесѣдуютъ... Вокругъ нихъ образовался порядочный кружокъ изъ грамотныхъ сельчанъ,—и мы устраиваемъ для нихъ вечернія чтенія и собесѣдованія. Дѣло идетъ живо и увлекательно. При встрѣчѣ расскажу подробнѣе; хоръ также значительно улучшился; Стахѣевъ поетъ съ басами, а изъ Бондаренко обѣщаетъ выйти рѣдкій регентъ... Очень радъ... Если возможно — исходатайствуйте моимъ школьнымъ труженикамъ наградныя: они этого вполнѣ заслуживаютъ... Не откажите также исхлопотать намъ надлежащее разрѣшеніе на открытіе сельской библіотеки - читальни, которая

пока могла-бы помѣщаться въ комнатѣ Бондаренко. Теперь оба учителя живутъ въ одной квартирѣ,—помянутая комната совершенно свободна“...

— Слава Богу!—промолвилъ о. наблюдатель, прочитавъ письмо.—Значитъ я не ошибся, поступивъ такимъ образомъ!.. И въ самомъ дѣлѣ: развѣ простое искреннее слово человѣка не дѣйствительнѣе во много разъ, чѣмъ бездушная строгость, убивающая живое чувство и только отчасти поддерживающая внѣшній авторитетъ?.. Если-бы я тогда нагрозилъ или смѣстилъ кого-либо, то отъ этого дѣло нисколько не выиграло-бы. А теперь самый прежній разладъ послужитъ молодымъ людямъ цѣннымъ урокомъ и поучительнымъ предостереженіемъ на будущее время; теперь я за нихъ совершенно спокоенъ...

О. К.

Идеалистъ.

Очеркъ.

„Помните слово, которое Я сказалъ вамъ: рабъ не больше господина своего. Если Меня гнали, будутъ гнать и васъ; если Мое слово соблюдали, будутъ соблюдать и ваше“.

Іоанна XV, 20.

Было ясное и теплое сентябрьское утро. Въ чистомъ осеннемъ воздухѣ дышалось легко и свободно...

По дорогѣ въ село Бабчинцы ѣхалъ молодой, недавно лишь рукоположенный, священникъ о. Василій Креминскій. Лошади бѣжали быстро, и въ глазахъ то и дѣло мелькали крестьянскіе сады, помѣщичьи рощи и перелѣски, съ багряно-золотистыми заливами увядающей листвени, съ грустнымъ, нѣжно-задумчивымъ шо-

рохомъ, похожимъ на невнятный шопоть о чемъ-то хорошемъ, дорогомъ, прекрасномъ, но невозвратно-минувшемъ...

Было тихо и грустно...

О. Василій бодро и съ нетерпѣніемъ подвѣзжалъ къ своему приходу. По окончаніи семинаріи, онъ три года учительствовалъ, и все это время не переставалъ мечтать о томъ желанномъ времени, когда онъ будетъ батюшкой и будетъ, не покладая рукъ, трудиться

на благо народа. Онъ представлялъ себя то въ храмѣ, наполненномъ толпой прихожанъ, которые истово, благоговѣнно молятся, невольно заслушиваясь его искреннихъ, изъ глубины души идущихъ, проповѣдей, жадно внимаая прекрасному пѣнію устроеннаго имъ хора, то—въ сельской школѣ, среди шумливой дѣтвора, то за чтеніемъ взрослымъ крестьянамъ хорошей, душеспасительной книжки въ воскресные и праздничные дни... Вотъ онъ устраиваетъ образцовое хозяйство, убѣждаетъ сельчанъ улучшить обработку полей, усилить удобреніе, завести правильный плодосмѣнъ на поляхъ... А сады? а посѣвки? а бібліотека-читальня? а приходское попечительство?.. И грудь о. Василя наполнялась сладкимъ восторгомъ, глаза загорались огнемъ и молодой отвагой, и все представлялось ему такимъ яснымъ, понятнымъ, легко осуществимымъ...

Дѣйствительность, однако, не оправдала надеждъ о. Василя. Прихожане встрѣтили его холодно, съ нескрываемымъ равнодушіемъ, и только въ два первыхъ воскресенья церковь была полна народа. „Новый батюшка служить! — говорили другъ другу крестьяне.—Пойдемъ,—послушаемъ“...

Если новому батюшкѣ приходилось покупать что-либо у своихъ прихожанъ,—съ него старались содрать въ три дорога, и нисколько не трогались недостатками о. Василя.—„Винъ зъ живого и умершаго бере,—ему еще мало?!..“

Тяжело было о. Василю отъ такого пріема, но, скрѣпя сердце, онъ мужественно продолжалъ свою миссію проповѣдника добра и правды Божіей: каждый воскресный и праздничный день онъ говорилъ проповѣдь, говорилъ безъ всякихъ вычуръ, стараясь

только быть понятнымъ своимъ слушателямъ, организовалъ вечернія чтенія и собесѣдованія въ школѣ, улучшилъ существовавшій до его прібытія маленькій церковный хоръ, и, наконецъ, собравшись съ духомъ, предложилъ завести общество трезвости, обѣщая записаться въ него первымъ...

Село глухо заволновалось: вѣковая тьма почуяла живого и убѣжденнаго носителя свѣта Хрїстова, и злобно всколыхнулась, готовясь дать рѣшительный отпоръ...

— Що?—кричали волнуясь крестьяне.—Що се такее діється? Сколько у насъ було батюшекъ,—и сего николи не було!.. Не треба намъ такого батюшки!...

— За святыхъ розказуе!—кричали неистово другіе.—Дай мени килька грошей, то и я буду святымъ!..

Особенно огорчило крестьянъ предложеніе батюшки завести общество трезвости.

— Мы за свои пѣмо,—не его діло!—орали они съ ожесточеніемъ.—Хиба жъ мы пьяници, щобъ намъ тверезистъ заводуы?! Не желаемъ!.. Не желаемъ!..

О. Василій слышалъ эти мнѣнія, и каждое изъ нихъ больно ударяло его по сердцу, но онъ все крѣпился и, съ Божіей помощью, горячо продолжалъ начатое...

Благодарили и сочувствовали о. Василю однѣ женщины, много претерпѣвшія отъ пьяныхъ мужей; небольшое утѣшеніе доставляли ему также нѣкоторые добрые, богобоязненные прихожане, лучшіе выразители духовныхъ особенностей Русскаго народа, встрѣчающіеся, въ большемъ или меньшемъ числѣ, въ каждомъ русскомъ селеніи. Это были, въ большинствѣ, тихіе и кроткіе люди—„отшельники въ мірѣ“, коими держится правда

Христова на Руси и которые пока въ загонѣ въ нашъ вѣкъ беззащитнаго, грубого невѣжества и наглости даже въ интеллигентныхъ слояхъ; они скорбѣли, видя тупую злобу своихъ односельчанъ противъ служителя Божія, содрогались въ душѣ, но были безсильны побѣдить „царюющее зло“, и лишь усерднѣе стали посѣщать церковь Божію, гдѣ находили единственное утѣшеніе въ душевной скорби и мірскихъ тревоженіяхъ... Крестьяне не долюбляли и презирали ихъ.—„Этъ,—ледачи люде!“—говорили про нихъ на селѣ.—„Не мають работы, тай по монастырахъ шляются“...

О. Василій видѣлъ, что Господь судилъ ему начать свое пастырское служеніе въ *запущенномъ* приходѣ, и горячо просилъ Бога укрѣпить его на тяжкомъ пути...

Матушка, супруга о. Василія, также принимала участіе въ трудахъ батюшки. Она завела у себя небольшую аптечку и лѣчила бабъ и дѣтей отъ незначительныхъ болѣзней, въ трудныхъ случаяхъ отсылая ихъ къ доктору. По ея настоянію, дѣтей стали кормить сосками, а не грязными тряпицами, какъ раньше; она вліяла на неряшливыхъ хозяекъ словомъ наставленія, обучала дѣвочекъ шитью и рукодѣліямъ въ школѣ...

Къ каждому прихожанину молодые супруги относились привѣтливо, внимательно, каждого старались утѣшить въ печали, каждому старались помочь въ несчастіи; но, несмотря на все это, глухая неприязнь прихожанъ къ новому батюшкѣ все росла и усиливалась.

На о. Василія посыпались жалобы. Особенно злобился на новаго батюшку богачъ Опанасъ, съ которымъ о. Василій не желалъ „брататься“, т. е. выпивать чарочку и закабаливать „го-

лоту“, давно съ головы до пятъ задолжавшую хитрому кулаку...

Назначено было слѣдствіе, на которомъ вполне выяснились честныя просвѣтительныя намѣренія о. Василія и черная неблагодарность къ нему крестьянъ. Крестьяне потерпѣли полное фіаско; нѣкоторыхъ, наиболѣе злобствовавшихъ, приговорили даже къ высидкѣ и только по особому ходатайству о. Василія отпустили съ миромъ...

— Бросьте, о. Василій!—говорили ему сосѣди-священники. — Проситесь лучше на другой, болѣе благоустроенный, приходъ: здѣсь ни одинъ батюшка не уживется!..

— „Я посланъ къ погибшимъ овцамъ дому Израилева“,—отвѣчала о. Василій словами Евангелія.—„Я пришелъ не праведниковъ, но грѣшниковъ призвать къ покаянію“...

И еще горячѣе, еще убѣжденнѣе говорилъ онъ прихожанамъ о чистой, свѣтлой жизни, въ полномъ подчиненіи волѣ Божіей; не уставая и не падая духомъ, онъ властно звалъ ихъ къ духовному обновленію, къ покаянію и очищенію отъ скверны душевной... Многіе совѣстливые прихожане, въ коихъ не погасла еще искра Божія, уже замѣтно склонялись на сторону „добраго батюшки“, какъ называли они о. Василія. Большую нравственную поддержку оказывалъ о. Василію также мѣстный помѣщикъ, человекъ съ университетскимъ образованіемъ и съ православно-русской душой. Кипучая самоотверженная дѣятельность молодого батюшки увлекла старика-помѣщика на поприще дѣятельнаго добра, всколыхнула въ немъ лучшія, забытыя чувства...

— Одиѣми рѣчами тутъ не пособишь,—говорилъ онъ о. Василію. — Тутъ нужны инья, радикальныя мѣры.

Въ народъ просвѣщеніе надо вливать не золотниками, но цѣлыми пудами, но сороковыми бочками!.. Давайте-ка, батюшка, устроимъ въ нашемъ селѣ двухклассную церковную школу!.. Помѣряемся съ невѣжествомъ силой!.. Всѣ издержки принимаю на себя... Завтра же соберемъ сходъ и обсудимъ это дѣло совмѣстно съ крестьянами...

О. Василій съ восторгомъ согласился.

На сельскомъ сходѣ просвѣщенный помѣщикъ произнесъ красивую и трогательную рѣчь о пользѣ просвѣщенія, не оказавшую, однако, никакого вліянія на крестьянъ. Когда же дѣло коснулось предполагаемаго открытія двухклассной школы, — толпа шумно загалдѣла, злобно и недовѣрчиво косясь на своихъ благодѣтелей...

— Не треба намъ вашей школы!— кричали встревоженные крестьяне.— Зѣ насъ буде и такой, якъ теперь есть... Построять, а потомъ зѣ насъ же будутъ шкуру дерты!.. Знаемъ!..

Такъ и ушли добрые радѣтели народнаго блага ни съ чѣмъ.

Наступило лѣто. Трудно было достать работниковъ; если же они находились, то все норовили обмануть батюшку, досадить ему... На полѣ у о. Василія почти ежедневно случались „потравы“...— „Нашъ батюшка — дуже добрый чоловікъ: въ судъ не потягне!“—иронизировали крестьяне. Случались и другія продѣлки. Такъ, на примѣръ: въ церковную кружку, составлявшую существенный источникъ содержанія причта, вмѣсто платы за требы бросали камешки, кусочки черепицы, мѣдныя пуговицы...

Не въ моготу становилось о. Василію. Ударъ слѣдовалъ за ударомъ. А тутъ еще бросили ему въ лицо гнусную клевету, до глубины души возмутившую обоихъ супруговъ и доставившую имъ не мало тяжелыхъ

минуть. Дѣло было такъ. Матушка, какъ уже говорилось, отчасти лѣчила крестьянъ, не принимая за это никакого вознагражденія. Однажды привезли къ ней большую женщину. Она осмотрѣла ее и отослала къ доктору. Черезъ нѣсколько дней женщина умерла, а еще черезъ нѣсколько дней полетѣла жалоба епархіальному начальству, что матушка будтобы залѣчила „бѣдную“ женщину... Въ доносѣ пояснялось, что матушка, изъ чистокорыстныхъ цѣлей, занимается медициной, и, въ большинствѣ случаевъ, весьма неудачно... На дознаніи матушка горько плакала отъ обиды и униженія, а о. Василій немедленно же уѣхалъ къ Преосвященному съ просьбой о переводѣ на другое мѣсто.

Владыка милостиво выслушалъ о. Василія и удовлетворилъ его просьбу.

Черезъ мѣсяць „добрый батюшка“ уѣхалъ изъ села.

— Я пришелъ къ вамъ съ добрымъ, братскимъ словомъ и съ открытой душой,—говорилъ со слезами въ голосъ о. Василій въ послѣднемъ своемъ словѣ къ прихожанамъ,—я училъ васъ любви и правдѣ Божіей, указывалъ пути къ иной, лучшей жизни, я молился за васъ въ долгія безсонныя ночи и у престола Божія, я желалъ вамъ счастья, свѣта и радости, я былъ вамъ отцомъ и братомъ, пастыремъ и служителемъ,—а вы бросали въ меня грязью, проклинали меня!.. Богъ съ вами!.. Скорблю душой о вашемъ невѣжествѣ и жестокосердіи, и смиренно молю Господа—да проститъ Онъ все, что вы причинили мнѣ по неразумію своему!..

Многіе, особенно женщины и дѣтискольники, плакали... Всѣ смутно чувствовали, что у нихъ отнимается что-то доброе, свѣтлое, безконечно-нужное, и имъ страшно становилось

за свою духовную заброшенность, за свое убожество, жестокость, за свою нравственную слѣпоту и одеревенѣлость... Лица были угрюмы и задумчивы, во взглядахъ сквозили стыдъ и раскаяніе...

Въ новомъ приходѣ о. Василия встрѣтили съ любовью и живою радостью. Приходъ былъ благоустроенный. Предшественникъ о. Василия прожилъ тутъ безъ малаго пятьдесятъ лѣтъ и всю душу свою вложилъ въ дѣло Божіе. О. Василию оставалось только возблагодарить Бога и совершенствовать устроенное...

Прошло полгода. Однажды, въ началѣ мая, о. Василий сидѣлъ на крылечкѣ своего домика и кормилъ зернами голубей. Вдругъ на дорогѣ показалась толпа крестьянъ съ запыленными и загорѣвшими лицами. Подойдя къ крылечку, они опустились на колѣни и, перебивая другъ друга, стали просить: „Батюшка! Вернитесь до насъ,—забудьте наши обиды... Вы лишили насъ сиротами!.. Съ той поры, якъ вы уѣхали видѣ насъ,—здаеця, що и сонце надъ селомъ не сходило!.. Простите нашу дурость, батюшка,—вернитесь!..“

Они кланялись и смиренно просили прощенія... О. Василий поднялъ ихъ съ колѣнъ и усадилъ вокругъ себя.

Онъ былъ взволнованъ и потрясенъ... Это возвращало ему вѣру въ добрую душевную настроенность Русскаго народа, въ его совѣстливость, въ его способность къ глубокому душевному обновленію, и онъ ласково и привѣтливо разговаривалъ со своими обидчиками...

— Спасибо, люди добрые, за честь,—говорилъ о. Василий, и лицо его становилось все свѣтлѣе и радостнѣе.— Вижу—не даромъ я столько перестрадалъ у васъ!... „Царство Божіе силою берется“... Цѣною каждой пролитой слезы, каждаго изжитаго испытанія завоевывается у жизни новая пядь для царства Божія... Конечно, не хорошо я сдѣлалъ, что оставилъ васъ на произволъ судьбы, погорячился,—не выдержалъ... Но дѣла уже не поправишь... Мой примѣръ будетъ вамъ наукой... Новому пастырю будетъ уже легче у васъ: я проложилъ ему первую тропинку къ вашимъ сердцамъ... Слушайте его, покаряйтесь ему... Тяжкій грѣхъ будете имѣть, если чѣмъ-либо обидите служителя Божія... Мужайтесь: много на Руси пастырей добрыхъ, готовыхъ жизнью постоять за дѣло Божіе... Кайтесь и молитесь,—и Господь не оставитъ васъ Своею милостью...

С. Козубовскій.

Листки изъ дневника учителя-крестьянина ¹⁾

1 Октября. На квартирѣ стою опять у раскольника, и бесѣды съ старообразцами возобновляются. Не видѣвшіе меня цѣлое лѣто, они приходятъ со мною повидаться и дружественно жмутъ мою руку.

6 Окт. Нынѣшній годъ учениковъ

набралось порядочно и все до единого мальчики, а дѣвочекъ—ни одной. Это печалитъ меня до крайности, но ничего не подѣлаешь. Вотъ и сосѣдній учитель мнѣ тоже говорилъ, что у него въ школѣ не обучается ни одной дѣвочки. Жаль, право, очень жаль. Будущія матери—и лишаются главнѣйшаго—образованія. А сколько бы онѣ

¹⁾ Продолженіе См. съ № 8 по 37.

пользы принесли в послѣдствіи, приучая своихъ дѣтей молитвамъ съ самою колыбелю. Мать-хрістіанка, стоящая съ малюткой на рукахъ, совершая горячую молитву предъ иконами! Вѣдь это — картина достойная кисти лучшаго художника. Крімъ того, грамотные родители—наши будущіе помощники въ дѣлѣ воспитанія и образованія дѣтей. Мнѣ приходилось встрѣчать случаи такого рода: грамотный отецъ приводитъ мальчика-сына въ школу учиться, а смотришь—послѣдній бредеть уже по „складамъ“, научившись отъ отца, и даже сносно пишетъ буквы, а это—громадное облегченіе для нашего брата-учителя, да и на успѣхи обученія вліяетъ блистательно: гдѣ бы биться съ малышомъ надъ изученіемъ алфавита, да звуковыми упражненіями, убивающими массу времени, а тутъ можно прямо приступить къ чтенію букваря. И легко и полезно.

10 Окт. Сегодня я, какъ и прошлый годъ убѣдился, что не всѣ книги, входящія въ составъ церковно-приходской бібліотеки нашей школы удобопонятны для мальчиковъ и крестьянъ-грамотеевъ. Такъ о сочиненіяхъ Гоголя (Мертвыя души, Ревизоръ) я отъ одного крестьянина, читавшаго ихъ, получилъ такого рода отзывы: „Смѣшны эти книги, а хорошаго я въ нихъ ничего не нашель“. Слѣдовательно понять величайшаго русскаго писателя-сатирика нашему мужичку не под силу. Лестные же отзывы приходится слышать о слѣдующихъ книгахъ: „Училище благочестія“, Сочиненія Наумовича, „Москва и ея святыни“, „Народная поэзія“, „Подвижники и страдальцы за вѣру православную“. „Событія русской исторіи“, „Житія святыхъ“ Бахметевой, „Степанычъ старичекъ“ (пользуется особенною любовію дѣтей),

„М. В. Ломоносовъ“ (краткое описаніе его жизни и заслугъ по отношенію къ отечеству), „На Смоленской Дорогѣ“ (разсказъ, относящійся къ достопамятному 1812 году), „Ученіе св. отецъ о вѣрѣ и жизни“ (одна изъ лучшихъ, пользующаяся вниманіемъ взрослыхъ крестьянъ не только православныхъ, но и раскольниковъ). Изъ этого перечня книгъ очевидно, что народъ нашъ болѣе склоненъ къ чтенію про „божественное“, какъ онъ самъ выражается, а также любитъ онъ почитать и такія книги, которыя знакомятъ его съ историческимъ прошлымъ своей отчизны. Причину же его склонности и любви къ этимъ книгамъ не трудно отгадать: народъ нашъ искони преданъ своей православной вѣрѣ и своему дорогому отечеству; слѣдовательно, по своимъ душевнымъ свойствамъ онъ есть истинно вѣрующій хрістіанинъ и ревностный патріотъ. Для питанія и поддержанія этихъ-то двухъ свойствъ своей души—вѣры и патріотизма онъ и выбираетъ подходящую духовную пищу.

16 Октября. Сегодня послѣ обѣда вздумалось мнѣ побродить по выгону, что около Абашева. Только что вышелъ я за околицу села, вижу—въ поле, по направленію къ раскольническому кладбищу, направляется похоронная процессія. Къ этому печальному шествію присоединился и я. Однообразное, монотонное и гнусливое бормотаніе раскольническаго уставщика, причитываніе плачущихъ бабъ, скрипъ гробовыхъ носилокъ и мѣрный глухой топотъ мужиковъ-носильщиковъ—все это сливалось въ одинъ общій нестройный гулъ, производившій грустное впечатлѣніе на душу, которое еще болѣе усиливалось ненастной погодою пасмурнаго дня поздней осени.

Черезъ нѣсколько минутъ мы достигли кладбища, гдѣ, среди множества могильныхъ холмиковъ, заросшихъ травой, теперь уже увядшей, ясно выдѣлялась желтоватая масса двухъ кучъ свѣжей глины, среди которой зіяла глубокая могила. Носильщики остановились, спустили съ плечъ гробъ на край могилы и стали въ сторонкѣ. Причитанье бабъ мигомъ смолкло; воцарилась полная тишина, нарушаемая только за душу хватающимъ завываніемъ осеняго полевого вѣтра въ сухихъ былинкахъ ближайшей луговой межи и глубокими вздохами участниковъ похоронъ.

Среди этой тишины раздался опять гнусливый, съ странными интонаціями, голосъ уставщика, торопливо и долго читавшаго какія-то молитвы. Когда онъ окончилъ это, въ окружающей могилу толпѣ раздался голосъ: „Ну, Митрій, лѣзь въ могилу, да поддерживай гробъ-отъ“. „Митрій“, здоровенный рыжебородый молодой дѣтина мигомъ очутился въ могилѣ. „Спускай!“ крикнулъ онъ носильщикамъ и ухватился подъ дно за одинъ конецъ гроба.

Послышался стукъ молота, бабы вновь принялись голосить, заработали лопаты и крупные комки кочекъ и глины съ шумомъ посыпались на гробъ усопшаго. Я невольно подумалъ: „бѣдныя, бѣдныя старообрядцы! Какое они находятъ для своихъ душъ благо въ томъ, что лишаютъ себя спасительной встрѣчи въ эту жизнь, благодѣтельнаго руководительства во время ея и напутственнаго провода по окончаніи ея со стороны Св. Церкви?! Жалкое заблужденіе! И еще утверждаютъ, несчастные, что они—истинные хрістіане,

послѣдователи старой вѣры! А того или не знаютъ, или не хотятъ знать, что съ самаго дня основанія вѣры Хрістовой мірянинъ надъ міряниномъ ни таинствъ, ни обрядовъ совершать не дерзаль,* но всегда на сіе дѣло были призываемы пастыри и учителя церковные, ибо: „**НЕ МОЖЕТЪ ЦЕРКВИ БЕЗЪ ЕПІСКОПА БЫТИ**“ (Маргаритъ. Житіе Іоанна Златоуста лист. 154-об.). „**ИЩЕ КТО КРОМѢ СОБОРНАЯ ЦЕРКВЕ Ѿ СЕБѢ СОБИРАЕТСА И НЕРАДА Ѿ ЦЕРКВИ, ЦЕРКВІНАА ХОЦЕТЪ ТВОРИТИ, НЕ СДѢДЪ СЪ НИМЪ ПРЕЗВІТЕРЪ ПО БОЛИ ЕПІСКОПА, ДА БУДЕТЪ ПРОКЛАТЪ**“ (Гангр. собора прав. 6, Кормч. гл. 8-я).

„Аще и не всякъ долженъ священствовати, но потребовати священничества всякъ долженъ есть: безъ него бо спастися не можетъ“. (Б. катих. л. 359 на обор.). А уставщики ужели не знаютъ, что не имѣющему хиротоніи „священная дѣйствовати“... есть—„дѣло горше и самихъ тѣхъ нечестивыхъ бѣсовъ, во ангела свѣта точію преобразующихся, но не сущихъ“ (Номок. при Иноч. потреб. л. 57). А они что дѣлаютъ! Ахъ, какая губительная для нихъ ошибка (а для нѣкоторыхъ и упорство)! Какое жалкое заблужденіе (а иногда и закоснѣніе)! Смотря на печальную картину раскольническихъ похоронъ, я невольно припомнилъ подходящіе къ нимъ стихи Некрасова, если одну строку въ нихъ нѣсколько измѣнить:

„И пришлось намъ нежданно-негаданно

Хоронить простеца мужика (молодого стрѣлка—по Некрасову).

Безъ церковнаго пѣнья, безъ ладона,
Безъ всего, чѣмъ могила крѣпка“.

Учит. Е. Нулиновъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

СРЕДИ ДѢТЕЙ.

Вь скромной школѣ у насъ нѣтъ свободныхъ часовъ:
Мы съ дѣтьми за работой всегда.

Любо слушать мнѣ шумъ молодыхъ голосовъ,
Что журчатъ, какъ весною вода.

* *

Мнѣ не скученъ ихъ лепетъ, веселый, живой,
Ихъ проказы и шалость подчасъ.
Эти звуки мнѣ шепчуть про край мой родной
И, прошедшіе годы, про васъ!

* *

И про васъ, мои грезы ночной тишины,
Про цвѣты на просторѣ луговъ,
Про любовь и про жизнь, что такъ снилися мнѣ,
И чей чуялся сладостный зовъ...

* *

Пусть же дѣти рѣзвятся кругомъ веселѣй:
Въ ихъ весельѣ все слышатся мнѣ,
Все звучать отголоски тѣхъ дивныхъ рѣчей,
Что шептала мнѣ юность во снѣ.

Учит. Н. Гурьевъ.

ПОСѢВЫ И ВСХОДЫ.

(Изъ жизни церковно-приходскихъ школъ).

XXXVIII.

Любовь дѣтей къ родителямъ, какъ предметъ воспитанія.—Почтительность и признательность дѣтей къ родителямъ и вообще къ старшимъ возрастомъ.—Отрадные примѣры.

Все, что есть свѣтлаго, дорогого, отраднаго въ жизни человѣка,—все это можетъ и должно быть предметомъ школьнаго воспитанія. Тутъ—напрасно разграничивать, что должна сдѣлать семья, и что школа: и та и другая имѣютъ одну и ту же цѣль, достигаемую лишь единодушнымъ совмѣстнымъ воздѣйствіемъ.

Можно ли говорить о любви дѣтей къ родителямъ, какъ предметъ школьнаго воспитанія? Повидимому, здѣсь кроется и

ощущается какая-то странность и несообразность. Любовь къ родителямъ—это врожденное, столь святое, возвышенное чувство, свойственное даже звѣрямъ,—и оно ли не нуждается въ воспитаніи у людей и именно у дѣтей, у которыхъ это чувство отличается само собою какимъ-то особеннымъ трогательно-милымъ выраженіемъ и умиляющею прелестью?.. И тѣмъ не менѣе глубоко правы тѣ, кто это естественное святое чувство включить въ предметъ

школьнаго воспитанія, тщательнаго разумнаго ухода и попеченія. Опытъ показываетъ, что съ годами не только дѣтская прелесть выраженія любви къ родителямъ исчезаетъ, но и самое чувство любви значительно ослабѣваетъ—не только во внѣшнихъ своихъ проявленіяхъ, но и во внутренней жизненности и возвышенности. При всѣхъ благопріятныхъ условіяхъ, эта любовь развивается, правда, и въ хорошую сторону, и, хотя и лишается дѣтски умильнаго характера проявленій, за то становится болѣе глубокою, сознательною, разумно-обоснованною и возвышенно-трогательною, особенно въ представляющихся испытаніяхъ и случаяхъ для своего проявленія. За то, при неблагопріятныхъ условіяхъ, возможно совершенное исчезновеніе этого чувства и появленіе замѣнъ его болѣе чѣмъ звѣрскаго, до непонятности страннаго, отношенія къ виновникамъ своего бытія. Особенно это замѣчается въ нашъ „нервный“ вѣкъ. Газеты въ своихъ „хроникахъ происшествій“ постоянно кипятъ извѣстіями подобнаго рода, какъ: убійство родителей дѣтьми, побои, жестокія истязанія, издѣвательства, оставленіе въ полной безпомощности, и т. п... Все это въ значительной степени обусловливается недостаткомъ своевременныхъ добрыхъ воспитательныхъ воздѣйствій и могло бы быть вполне устранено этими воздѣйствіями. Вотъ почему вполне уместно говорить о любви къ родителямъ, какъ предметѣ школьнаго воспитанія.

„Любовь дѣтей къ ихъ родителямъ подобна любви дѣтей къ богамъ“—говорилъ еще древній мудрецъ (Аристотель). Быть можетъ, нѣкоторое подтвержденіе этой мысли можно находить въ томъ знаменательномъ обстоятельстве, что пятая заповѣдь—законъ почитанія родителей—не что иное, какъ обязанность къ ближнему—при распредѣленіи на каменныхъ скрижаляхъ присоединена къ четыремъ первымъ, указывающимъ наши обязанности по отношенію къ

Богу. Наши родители очевидно должны быть вамъ дороже нашихъ ближнихъ, а потому и наши отношенія къ нимъ должны быть для насъ священными, подобными отношеніямъ къ Богу.

Хотя дѣтская привязанность врожденна, но все же воспитаніе можетъ возвысить, увеличить и облагородить ее. Евреи, мудростію которыхъ въ данномъ случаѣ мы можемъ воспользоваться, требовали дѣтской привязанности съ усиленной настойчивостію. Эта привязанность составляла основу древней прекрасной патріархальной жизни. Книги Притчей и Екклесіаста полны похвалъ дѣтской привязанности и строго угрожаютъ дѣтямъ непослушнымъ и непочтительнымъ. Въ еврейской исторіи прекрасный Юсіфъ выставляется не только образцомъ юношеской чистоты, но и сыновней любви. Съ другой стороны, ненависть къ памяти красиваго но испорченнаго Авессалома такъ велика, что до настоящаго времени евреи учатъ своихъ дѣтей плевать на его могилу, когда они проходятъ по долину Юсафата, и бросать камень въ мѣсто упокоенія непокорнаго сына.

Вотъ почему едва ли въ какомъ другомъ народѣ такъ высоко стоитъ авторитетъ родительской власти, какъ у евреевъ. Вся ихъ современная удивительная племенная и религіозная живучесть и неприступность въ значительной мѣрѣ обязаны этому. Въ своей семьѣ еврей-отецъ не только глава семьи въ нашемъ смыслѣ этого слова, но и духовный вождь въ религіозномъ смыслѣ, ея священникъ, пастырь и духовный отецъ, совершающій Богослуженіе въ предписываемые закономъ дни и часы и подающій примѣръ богоугодной и достойной Израиля жизни. Все это не можетъ не дѣйствовать благопріятно-воспитывающимъ образомъ на дѣтей, чѣмъ и объясняется крайняя рѣдкость случаевъ непочтенія среди евреевъ къ родителямъ, въ свою очередь подтверждающая возможность и цѣлесообразность примѣненія воспита-

тельныхъ средствъ къ упроченію и благо-роженію любви дѣтей къ родителямъ.

„Еще на памяти живущихъ почтеніе, уваженіе и повиновеніе приказаніямъ и волѣ родителей прежде было глубже, чѣмъ теперь“, говоритъ Фарраръ („Голосъ съ Синая“, 5-я запов.). Люди прошедшаго поколѣнія были бы возмущены и оскорблены теперешнимъ грубымъ и непочтительнымъ обращеніемъ съ родителями, непристойными и малоуважительными выраженіями, въ которыхъ многіе юноши отзываются обыкновенно о своихъ родителяхъ.

Множество изящныхъ молодыхъ людей, недостойныхъ завязать ремень обуви своего отца, отъ котораго они зависятъ, считаютъ какъ бы унижительнымъ употреблять прекрасное, старинное, почтительное названіе „батюшка“. Это нѣжное и любовное названіе замѣняется какой-либо холодной и даже недостойной кличкой. Во всѣхъ слояхъ общества найдутся отцы, любящіе и балующіе своихъ дѣтей, старающіеся сдѣлать ихъ счастливыми, работая для нихъ, окружая ихъ всякимъ попеченіемъ, доставляя имъ всякое удовольствіе,—дѣти же ихъ принимаютъ всю эту любовь и самоотреченіе, какъ нѣчто самое обыкновенное и должное вслѣдствіе ихъ преимуществъ и не даютъ ничего взамѣнъ.

Юноша изъ рабочаго класса, въ 16 лѣтъ зарабатывающій себѣ пропитаніе, часто возмущается, если родители обращаются къ нему съ малѣйшей просьбой, еслибы даже они были стары и нуждались.

Сынъ ремесленника, получившій такое воспитаніе, какого не было у его отца, стыдится послѣдняго, если онъ неправильно произноситъ слова или не знаетъ всѣхъ условій „хорошаго тона“. Дочь, вслѣдствіе своихъ ограниченныхъ и поверхностныхъ познаній, считаетъ себя госпожей, смотритъ свысока на свою мать, какъ на лицо, на которое она можетъ возложить всѣ домашнія хлопоты, сама же она

занимается чтеніемъ чувствительныхъ романовъ или бречаніемъ на фортепіано.

Воспитаніе любви къ родителямъ должно составлять одну изъ главныхъ заботъ законоучителя и учителя. „Прочныя семейныя узы — говоритъ г. Давыденко въ жур. Вѣра и Разумъ, 1904 г. № 23— являются основою не только общества, но и государства. Семья есть истинный питомникъ всего лучшаго въ людяхъ: изъ семьи мы выносимъ и первыя религіозныя вѣрованія, и нашъ взглядъ на міръ и людей, здѣсь полагается основа и нашего характера. Отсюда, забота учителя должна состоять въ томъ, чтобы всѣми зависящими отъ него мѣрами поддерживать связь дѣтей съ родными, сохранить въ нихъ все, что есть лучшаго въ нашей семьѣ и развить въ нихъ сыновнія чувства. Законоучитель, какъ пастырь, имѣетъ множество случаевъ, чтобы видѣть семейныя отношенія дѣтей къ родителямъ и потому всегда можетъ оказывать вліяніе не только на дѣтей, но и на родителей. Дѣти должны быть всегда почтительны и вѣжливы къ своимъ родителямъ. Во время своего пребыванія дома, утромъ и вечеромъ, слѣдуетъ приучать дѣтей желать родителямъ добраго утра, а вечеромъ — спокойной ночи; всякій разъ послѣ обѣда въ благодарность цѣловать руку своимъ родителямъ и благодарить за ихъ родительскія заботы. Въ школѣ учитель долженъ провѣрить, помнятъ ли дѣти о своихъ родныхъ, знаютъ ли имена и фамиліи своихъ братьевъ и сестеръ, дядей и тетей, крестныхъ отца и матери, молятся ли о нихъ утромъ и вечеромъ. Ученики второклассной школы, живя въ общежитіи, должны всячески поддерживать связь съ своимъ домомъ посредствомъ писемъ. Въ этихъ письмахъ они дѣлятся съ родными всѣми радостями и горестями, чтобы ничто не скрывалось отъ родныхъ. Въ особенности же они должны помнить своихъ родныхъ въ молитвахъ— и молиться не только за живыхъ, но и за

умершихъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ учитель найдеть не мало случаевъ изъ обыденной жизни, гдѣ обнаруживается или наказанная гордость сыновняя или награждается добродѣтель любви дѣтей къ родителямъ. Книги и статьи, характеризующія идеальныя семейныя отношенія, въ особенности должны чаще предлагаться дѣтямъ для прочтенія. Наряду съ этимъ нельзя также пренебрегать и многими, издавна установившимися добрыми обычаями Русскаго народа, гдѣ представляется случай обнаружить дѣтямъ свою покорность и зависимость отъ родителей: обычай просить прощенья наканунѣ Великаго поста, обычай носить ужинъ крестнымъ отцу и матери и т. п.

Забываясь объ укорененіи въ дѣтяхъ чувствъ уваженія и любви въ отношеніи къ родителямъ, учитель церковной школы долженъ вѣдрять въ нихъ тѣ же самыя чувства и ко всѣмъ вообще старшимъ.

Душа дѣтская вообще должна быть воспитываема такъ, чтобы любовь, почитательность, уваженіе и послушность были ея, такъ сказать, атмосферою, проявляясь въ отношеніи ко всему, что ихъ окружаетъ, и исключая собою все злобное, грубое, невоспитанное и холодное...

Дѣлаетъ ли что въ этомъ направленіи наша церковная школа? Жизнь послѣдней даетъ для отвѣта на это—слѣдующее. Немного можно указать школъ, гдѣ бы отношенія къ родителямъ были предметомъ самостоятельнаго отъ другихъ воспитательныхъ задачъ—и, такъ сказать, специаль-

наго попеченія учителей. Въ большинствѣ случаевъ эта сторона дѣла какъ-то мало выдѣляется изъ круга общихъ нравственныхъ требованій, сообщаемыхъ учащимся: конечно, это много зависитъ отъ учителей и отъ ихъ собственной воспитанности въ отношеніяхъ къ родителямъ. Во всякомъ случаѣ намъ извѣстно не мало фактовъ, когда учитель школы, самъ добрый семьянинъ или нѣжный, почитательный сынъ своихъ родителей—внимательно слѣдилъ за домашними отношеніями своихъ учениковъ и, дѣлая надлежащія внушенія за всѣ замѣчаемые недостатки и ненормальности въ этихъ отношеніяхъ, посвящалъ особыя бесѣды и уроки съ дѣтьми о любви, почтеніи и вообще объ отношеніяхъ къ родителямъ. Одна учительница Новгородской губ. (М. И. К.) съ весьма замѣтнымъ успѣхомъ преподаетъ добрые уроки подобнаго рода, занимая вниманіе дѣтей, во время занятій руководлемъ, чтеніями, выбранными изъ книги „Искра Божія“, протоіерея Г. Дьяченко. Въ этомъ прекрасномъ сборникѣ рассказовъ, приспособленныхъ къ чтенію въ христіанской семьѣ и школѣ, есть рассказы, специально посвященные изображенію свѣтлыхъ идеальныхъ отношеній къ родителямъ и вообще членамъ семьи, производящія сильное и неизмѣримо-доброе впечатлѣніе.

Конечно, все это далеко не единичные и не такъ рѣдкіе факты добраго воздѣйствія на дѣтей въ разсматриваемомъ отношеніи.

Изъ періодической печати.

Воспитательно - спасительный примѣръ ¹⁾.

Опредѣленіемъ Святѣйшаго Синода установлено, чтобы воспитанницы епархіаль-

ныхъ женскихъ училищъ 18, 19 и 20 ноября говѣли и въ день Введенія во храмъ Пресвятыя Богородицы приобщались Святыхъ Таинъ. Это установленіе, какъ мы убѣж-

¹⁾ Нов. Еп. Вѣд.

даемъ изъ наблюденія, — имѣть весьма важное воспитательно-спасительное значеніе. Оно, во 1-хъ, напоминаетъ о необходимости приготовленія христіанъ къ достойному срѣтенію великаго праздника Рождества Христова, во 2-хъ, примѣръ введенія во храмъ Пресвятыя Дѣвы для полученія самаго вышшаго воспитанія въ ближайшемъ присутствіи Божества и подъ влияніемъ святыхъ научаеъ обращать строгое вниманіе на первоначальное дѣтство и воспитаніе въ смыслѣ охраненія лучшихъ годовъ жизни отъ всего вреднаго, что нерѣдко бываетъ въ обществѣ и въ мірѣ, и, наоборотъ, — должнаго раскрытія въ дѣтяхъ страха Божія, обращенія мыслей ихъ къ Богу. — Въ чемъ же именно состояло воспитаніе Пресвятой Дѣвы Маріи? — Храмъ стоялъ на горѣ и съ высоты ея Она любовалась на чистое небо — жилище Божіе, и на красоты окрестностей природы, а эти красоты могли возвышать душу и вносить въ нее тихій миръ и спокойствіе. Здѣсь Она, вдали отъ мірскихъ заботъ и тревогъ, — все время проводила въ молитвѣ, чтеніи св. писанія, въ присутствованіи при богослуженіи; первосвященникъ передавалъ Ей свящ. преданіе о дняхъ древнихъ народа еврейскаго. Всегдашній видъ храма постоянно возбуждалъ въ ней представленіе о Богѣ и Она научилась всегда думать о Немъ и предаваться въ волю Его. Таково было воспитаніе Дѣвы Маріи. Плодами его были: смиреніе, покорность Богу, чистота сердца, любовь къ богомыслию.

И нынѣ при воспитаніи необходимо обращать главное вниманіе на душу и сердце, на пробужденіе нашихъ чувствъ и лучшихъ силъ души, на нашего внутренняго

человѣка. Этого должно достигать прежде всего не уроками. Не только дома, но и въ школѣ и вездѣ, гдѣ возможно, старшіе должны служить всегда добрымъ примѣромъ для младшихъ, особенно для дѣтей. И этотъ примѣръ преимущественно необходимъ въ проявленіи старшими любви ко храму Божію и частому посѣщенію онаго, въ болѣе частомъ пользованіи св. таинствами Церкви. Было бы желательнo, чтобы не только въ женскихъ епархіальныхъ училищахъ въ рождественскомъ посту учащіеся приобщались святыхъ Таинъ, но и во всѣхъ учебныхъ православныхъ заведеніяхъ введенъ былъ этотъ воспитательно-спасительный порядокъ. Затѣмъ, нужно позаботиться, чтобы всѣ добрые обычаи учебныхъ заведеній не забывались и въ дальнейшей жизни. Пресвятая Дѣва Марія, когда прошли годы Ея дѣтства и Она вступила въ міръ, и тамъ осталась тою-же, какою вышла изъ храма. Она всю жизнь сохранила тѣ же прекрасныя свойства, какія получила Она тамъ. Любила Она въ храмѣ уединеніе, чтобы предаваться молитвѣ, — то же дѣлала Она и въ домѣ Іосифа. Отличалась Она въ храмѣ скромностію и смиреніемъ, — это были лучшія Ея украшенія и въ продолженіе всей жизни. Приобрѣла Она въ храмѣ чистоту, непорочность нравовъ, — такова Она была всегда и послѣ. — То-же ли бываетъ нынѣ между христіанами? Сохраняются-ли черты дѣтства, добрыя качества перваго возраста, первыя наставленія и правила юности? Развѣ правила лучшаго возраста не годятся, или правила міра лучше и пригоднѣе?!

Пр. А. В-въ

НАШЪ ДНЕВНИКЪ.

Январь 1905 г.

Современныя явленія общественной жизни и тревоги нашихъ дней, вызванныя недавнимъ массовымъ движеніемъ рабочихъ, не могутъ, разумѣется, не волновать общественной мысли. Не можетъ и не должна проходить ихъ молчаніемъ и наша школа и особенно школа *воспитывающая*.

Грустно, грустно до боли было читать сообщенія періодической печати о „стачкахъ“, и „забастовкахъ“ рабочихъ, чего никогда еще не было у насъ на Руси даже

въ очень недавнія, сравнительно, времена. И, думается, особенно грустно должно быть ревнителямъ народнаго просвѣщенія, которымъ такъ естественно прочесть себѣ въ этихъ печальныхъ событіяхъ и *упрекъ* въ недостаточной подготовкѣ къ жизни питомцевъ своихъ школъ и *предостерегающей призывъ* къ болѣе добросовѣстному исполненію своего долга, состоящаго прежде всего въ воспитаніи родинѣ честныхъ и мирныхъ гражданъ.

И въ самомъ дѣлѣ, стало-быть русская школа не всегда глубоко и добросовѣстно засѣваетъ въ дѣтскія сердца сѣмена добра и правды, если питомцы ея, по выходѣ изъ нея, вступаютъ въ трудовую жизнь съ такими малымъ запасомъ свѣтлыхъ идеаловъ, съ такими скудными задатками благородства, что колеблются всякимъ „вѣтромъ ученія“... Стало-быть она не всегда вселяетъ въ сердца питомцевъ чувства любви и привязанности къ своей родинѣ и къ ея стародавнему быту, если они прислушиваются къ голосу народныхъ смутителей, сисящихся поколебать основы государственнаго строя, и прислушиваются, къ стыду своему, въ то время, когда, въ виду бѣдствій страны, они совершенно должны бы, кажется, забыть о „хлѣбѣ и зрѣлищахъ“, о чемъ такъ много заботился древнй развращенный римлянинъ... Стало-быть часть русскаго общества чужда того желаннаго христіанскаго настроенія, которое отличается уваженіемъ къ предержавшей власти и предпочтительною заботою о „единомъ на потребу“. А въдѣ несомнѣнно, что большинство трудового люда, такъ легко увлекаемаго самозванными проповѣдниками какихъ-то невѣдомыхъ благъ и житейскихъ выгодъ, если не весь онъ, проходило какую-нибудь низшую школу... Несомнѣнно также и то, что въ числѣ современныхъ учителей школъ, изъ которыхъ выходили рабочіе различныхъ заводовъ и фабрикъ, и теперь, въ минуты невзгодъ, не мало найдется такихъ, которые и не подумаютъ оглянуться на себя, на свою одностороннюю, а иногда и прямо преступную, дѣятельность, а просто довольствуются тѣмъ, что слагаютъ вину съ своей больной головы на здоровую...

Но да не будетъ таковыхъ предателей въ средѣ честныхъ тружениковъ нашей православно русской школы. Пусть сплотятся они воедино и своей напряженной работой и дружнымъ усиленіемъ возстанутъ противъ развитія въ подрастающемъ поколѣніи узкаго, своекорыстнаго эгоизма. Пусть научатъ они своихъ птенцовъ тому, что истинное счастье состоитъ не въ томъ чтобы „взять“ что-либо и „взять“ тѣмъ болѣе „съ насиліемъ“, а въ томъ, чтобы „дать“, такъ какъ истинное счастье человѣка, какъ сказалъ одинъ изъ западно-европейскихъ философовъ, дѣйствительно состоитъ только въ томъ, чтобы давать его другому...

Современная общественная жизнь, справедливо замѣчаетъ одинъ норвежскій педагогъ,— авторъ во многомъ поучительнаго труда „Семья и ея задачи“¹⁾, предъявляетъ особыя требованія къ всякому труженику школы. Она обязываетъ послѣдняго сообщать школярамъ основные законы, по которымъ движется жизнь, и выработать у нихъ не поверхностный, а болѣе „стойкій характеръ“, воспитывать „силу воли“ и „научать видѣть удовлетвореніе въ личномъ трудѣ“. И великая ошибка школы, замѣчаетъ тотъ же педагогъ, если „она является фабрикой, доставляющей только нужныхъ для *современной* жизни работниковъ, а не разсадникомъ культуры, преслѣдующимъ воспитаніе будущаго двигателя общества для *далекаго лучшаго* будущаго“...

И дѣйствительно, чѣмъ какъ не отсутствіемъ стойкости въ характерѣ и слабостью, чѣмъ какъ не пренебреженіемъ къ выработкѣ своего собственнаго, созрѣвающего подѣ благодатнымъ воздѣйствіемъ Церкви, міросозерцанія обуславливается то явленіе, что среди школьниковъ всѣхъ сословій и возрастовъ и среди рабочихъ нерѣдки такія личности, которыя при всемъ своемъ здравомысліи подчиняются, иногда, стадному движенію своихъ сотоварищей и изъ страха предъ насиліемъ не рѣшаются высказывать своихъ убѣжденій?! Не показываетъ-ли все это, что соприкасаются съ народомъ общественные дѣятели, а среди нихъ особенно воспитатели народной души, довольствуются иногда привитіемъ дѣтямъ одного внѣшняго лоска, если ихъ честныя убѣжденія не имѣютъ для нихъ жизненнаго значенія? Не избличаетъ-ли все это и затаеннаго настроенія у нѣкоторыхъ руководителей народа?.. Пожалѣемъ же нашъ добрый народъ, оглянемся на себя и на него... Куда мы ведемъ его? Не предатели-ли мы, въ самомъ дѣлѣ, своей вѣры и національности, своей будущности, и не растлители-ли мы народной души?

Мы переживаемъ именно такіе моменты, когда долгъ cadaго честнаго гражданина поставить себя предъ лицомъ истины и правды Божіей и дать отчетъ въ своей

1) А. Арсталь. „Семья и ея задачи“. Перев. А. и П. Ганзенъ. Спб. 1903 г. Мы еще будемъ имѣть случай познакомить своихъ читателей съ этимъ трудомъ.

совѣсти: „право-ли мы правили“ — управляли народною душою? И не наша вина, если среди насъ сумѣють притаиться волки въ овечьей шкурѣ (а ихъ не мало на святой Руси) и подъ видомъ радѣтелей народнаго блага будутъ сѣять плевелы... Пусть каждый изъ насъ дѣлаетъ свое дѣло и въ чувствѣ несокрушимой правды этого дѣланія исполнить свой долгъ честныхъ воспитателей молодого поколѣнія...

И какъ бы, дѣйствительно, счастливъ, былъ нашъ православно-русскій народъ, еслибы путемъ разумнаго просвѣщенія

укоренилась въ немъ глубокая любовь къ Богу, если бы ему еще на школьной скамьѣ предносился будущій планъ честной трудовой жизни, если бы его нравственный характеръ еще до вступленія въ жизнь закалился настолько, чтобы могъ противостоять разнохарактернымъ тлетворнымъ вѣяніямъ, которыя нераздѣльно связаны съ преклоненіемъ людей предъ личнымъ внѣшнимъ довольствомъ... Въ этомъ только и можетъ быть залогъ народнаго счастья и торжества мирной трудовой жизни надъ раздорами и смутами.

О Б Ъ Я В Л Е Н І Я .

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
НА

БОГОСЛОВСКІЙ ВѢСТНИКЪ

1905 года

(четырнадцатый годъ изданія)

СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ

ТВОРЕНІЙ БЛАЖЕННАГО

ѲЕОДОРІТА, ЕПИСКОПА КИРРСКАГО.

Въ 1905 году Московская Духовная Академія будетъ продолжать изданіе „Богословскаго Вѣстника“ ежемѣсячно, книжками въ пятнадцать и болѣе печатныхъ листовъ, по слѣдующей программѣ.

1) Творенія св. Отцовъ въ русскомъ переводѣ. 2) Изслѣдованія и статьи по наукамъ богословскимъ, философскимъ и историческимъ, составляющія въ большей своей массѣ труды профессоровъ Академіи. 3) Изъ современной жизни: обзорѣнія важнѣйшихъ событій изъ церковной жизни Россіи, православнаго Востока, странъ славянскихъ и западно-европейскихъ и сообщенія изъ области внутренней жизни Академіи. 4) Обзоръ текущей русской журналистики, преимущественно духовной, а также критика, рецензіи и библиографія по наукамъ богословскимъ, философскимъ и историческимъ. 5) Приложенія, въ которыхъ будутъ печататься автобіографическія записки Высокопреосвященнаго Саввы, Архіепископа Тверскаго, и протоколы Совѣта Академіи за истекшей 1904 годъ (полностью). Въ качествѣ **собственнаго приложенія** къ журналу „Богословскій Вѣстникъ“ всѣмъ подписчикамъ его въ 1905 году будутъ высланы:

ПЕРВЫЕ ДВА ТОМА

**ТВОРЕНІЙ БЛАЖЕННАГО ѲЕОДОРІТА,
ЕПИСКОПА КИРРСКАГО,**

въ русскомъ переводѣ.

Вѣрная однажды намѣченной задачѣ — содѣйствовать возможно широкому распространенію въ обществѣ святоотеческой литературы путемъ удешевленія изданій и этимъ идти навстрѣчу возрастающему интересу къ изученію твореній оо. церкви, редакція „Богословскаго Вѣстника“ приступаетъ къ новому изданію твореній бл. Ѳео-

дорита Киррскаго съ цѣлю выдавать ежегодно своимъ подписчикамъ въ качествѣ приложенія *по два тома* сочиненій этого замѣчательнаго церковнаго писателя. Каждый томъ отъ 25—30 печатныхъ листовъ въ отдѣльной продажѣ стоитъ 1 р. 50 коп. Такимъ образомъ, подписчики „Богословскаго Вѣстника“ получаютъ возможность приобрести за одинъ рубль вмѣсто трехъ каждыя два тома твореній бл. Θεодорита.

Предпринимаемое изданіе давно уже является настоятельною потребностью. Нѣкоторыхъ томовъ перваго изданія (1855—1861 гг.) давно уже не существуетъ въ продажѣ. Остальные имѣются лишь въ крайне незначительномъ количествѣ экземпляровъ. Между тѣмъ творенія Киррскаго пастыря, преимущественно экзегетическія, по справедливости привлекаютъ вниманіе общества. По научности пріемовъ, по стремленію твердо держаться священнаго текста и выяснять прежде всего его непосредственный смыслъ бл. Θεодоритъ изъ всѣхъ древнихъ толкователей болѣе всего приближается къ современной научной экзегетикѣ. Чуждаясь произвольнаго и мечтательнаго аллегоризма свойственнаго александрійцамъ, онъ былъ свободенъ и отъ крайностей антиохійскаго буквализма. Его экзегезисъ, чуждый крайнихъ увлеченій, представляетъ собою счастливое сочетаніе того и другаго направленія. Въ своемъ замѣчательномъ изслѣдованіи о бл. Θεодоритѣ проф. Н. Н. Глубоковскій характеризуетъ его истолковательные труды въ слѣдующихъ словахъ. „Въ нихъ, пишетъ онъ, всюду мы замѣчаемъ поразительную, прозрачную наглядность, рельефность мысли, энергическую сжатость, продуманность каждаго слова, всегда умѣстнаго и никогда не излишняго, преувеличеннаго или недостаточнаго. Все богатство содержанія его твореній располагается въ стройномъ порядкѣ, въ логической связи, въ точномъ соответствіи съ библейскимъ текстомъ, безъ произвольныхъ отступленій отъ него, какія столь часто удивляютъ насъ въ сочиненіяхъ Св. Златоуста. Вотъ почему комментаріи Θεодоритовы, при научной серьезности и глубинѣ, являются образцомъ художественной законченности и цѣльности. Самое изложеніе его отличается величественной простотой и выразительною краткостью, пріятно услаждающими читателя... Θεодоритъ всегда осозательно ясенъ и въ мысли, и въ ея выраженіи“. Въ составъ двухъ первыхъ томовъ твореній бл. Θεодорита войдутъ его толкованія на книги Бытія, Исходъ, Левитъ, Числь, Второзаконія, Иисуса Навина, Судей, Руѣ, Царствъ (I т.) и 1—69 псалмы (II т.).

Подписная цѣна на „Богословскій Вѣстникъ“ совмѣстно съ приложеніемъ первыхъ двухъ томовъ твореній Блаженнаго Θεодорита

ВОСЕМЬ РУБЛЕЙ СЪ ПЕРЕСЫЛКОЙ.

Прим.: безъ пересылки семь рублей, за-границу—десять.

Допускается подписка на журналъ безъ приложенія и въ разсрочку. Подписная цѣна на журналъ безъ приложенія—7 руб.; условія разсрочки по соглашенію съ редакціей.

Адресъ редакціи: Сергіевъ посадъ, Московской губерніи, въ редакцію „Богословскаго Вѣстника“.

Редакторъ проф. И. Поповъ.

ОТЪ КАНЦЕЛЯРІИ ИМПЕРАТОРСКАГО ЖЕНСКАГО ПАТРИОТИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

Канцелярія ИМПЕРАТОРСКАГО Женскаго Патриотическаго Общества имѣетъ честь объявить къ свѣдѣнію публики, что на дняхъ поступятъ въ обращеніе на ряду съ обыкновенными почтовыми марками особыя, художественно исполненныя Экспедиціею Заготовленія Государственныхъ Бумагъ, марки большого формата: заграничныя, загородныя, городскія и для открытыхъ писемъ. На заграничныхъ маркахъ изображенъ видъ Кремля, на загородныхъ—памятникъ Петра Великаго въ С.-Петербургѣ, городскихъ—памятникъ Минина и Пожарскаго, а на маркахъ, предназначенныхъ для открытыхъ писемъ,—памятникъ Адмирала Нахимова въ Севастополѣ. Въ продажѣ, каждая такая марка будетъ стоить на три копейки дороже соответствующей ей по номинальной стоимости; полученный этимъ путемъ доходъ послужитъ къ усиленію средствъ образованнаго при ИМПЕРАТОРСКОМЪ Женскомъ Патриотическомъ Обще-

ствѣ фонда въ пользу сиротъ военныхъ дѣйствующей арміи. Продажа марокъ будетъ производиться не только у завѣдующаго этимъ дѣломъ почетнаго старшины ИМПЕРАТОРСКАГО Женскаго Патріотическаго Общества Фридриха Борисовича Бернштейнъ (С.-Петербургъ, Адмиралтейскій каналъ, 23), но и въ почтово-телеграфныхъ конторахъ обѣихъ столицъ и нѣкоторыхъ большихъ городовъ.

Изданіе марокъ ограничено опредѣленнымъ количествомъ, по распродажѣ котораго марки эти воспроизводимы не будутъ.

За Правителя дѣлъ: *К. Ермоловъ.*

НОВАЯ ЕЖЕДНЕВНАЯ ГАЗЕТА

“ВЕЧЕРНЯЯ ПОЧТА”

БЕЗЪ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ ЦЕНЗУРЫ.

Редакція ставитъ своею цѣлью создать совершенно оригинальный типъ газеты, девизами которой будутъ: краткость, ясность, объективность и общедоступность.

Весь матеріалъ въ газетѣ будетъ систематизироваться и обрабатываться такъ, чтобы въ газету не могъ попадать никакой балластъ и мелочи, не имѣющія общаго значенія и интереса. Благодаря этому, читатели, экономя свое время, будутъ вводиться въ курсъ всѣхъ событій и знакомиться со всѣми важными и интересными извѣстіями.

Редакція намѣрена стремиться къ тому, чтобы всѣ фактическія свѣдѣнія получались ею отъ своихъ корреспондентовъ по телеграфу и телефону. Обычнымъ путемъ всѣхъ газетъ въ этомъ отношеніи, — агентскими телеграммами, Редакція будетъ пользоваться въ самыхъ ограниченныхъ размѣрахъ. Цѣль этого — достигнуть возможности давать своимъ подписчикамъ раньше другихъ газетъ извѣстія о всѣхъ важныхъ событіяхъ какъ русской, такъ и заграничной жизни.

Часъ выхода номеровъ газеты въ свѣтъ выбранъ съ такимъ расчетомъ, чтобы, попадая на первые поѣзда, газета могла бы получаться всюду въ провинціи раньше другихъ газетъ.

Избѣгая распространяться о подробностяхъ своихъ намѣреній и стремленій въ литературной сторонѣ дѣла, Редакція предоставляетъ желающимъ самимъ ознакомиться съ характеромъ и фізіономіею газеты и съ этою цѣлью предлагаетъ возможно легкія условія полученія пробныхъ номеровъ:

За 15 коп. газета будетъ доставляться въ теченіе декабря 1904 года.

Условія подписки на 1905 годъ:

На годъ: 4 р., съ перес. 4 р. 50 к. На полгода: 2 р., съ перес. 2 р. 50 к. На три мѣс.: 1 р., съ перес. 1 р. 25 к. На одинъ мѣс.: 45 к., съ перес. 50 к. На недѣлю 15 к.

Адресъ: Москва, Тверской бульваръ, д. № 105. Телефонъ конторы газеты 36. 84.

Редакторъ издатель *И. Н. Холчевъ.*

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1905 ГОДЪ

НА ЕЖЕДНЕВНУЮ БЕЗЪ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ ЦЕНЗУРЫ ГАЗЕТУ

„ДЕНЬ“

Предпринятая издателемъ весьма распространеннаго журнала „Родная Рѣчь“ А. А. Петровичемъ совмѣстно съ редакторомъ того же журнала Ф. Н. Бергомъ **ежедневная газета** подъ названіемъ „ДЕНЬ“ въ недалекомъ будущемъ начнетъ издаваться въ Москвѣ по программѣ большихъ столичныхъ газетъ **безъ предварительной цензуры**. Имена редактора и издателя хорошо извѣстны читающей публикѣ по журналу „Родная Рѣчь“, приобрѣвшему огромную извѣстность среди русской публики своимъ патріотиче-

скимъ направлѣніемъ. Предпринимая теперь изданіе ежедневной газеты, какъ редакторъ, такъ и издатель приложить все стараніе къ тому, чтобы пріобрѣтенныя ими репутація и довѣріе читателей еще болѣе упрочились.

Газета „ДЕНЬ“ будетъ представлять собой наиболѣе полную, обо всемъ освѣдомленную, серьезную, дешевую ежедневную газету, предназначенную главнымъ образомъ для провинціальныхъ читателей.

Значеніе для всей Россіи и центральное мѣстоположеніе Москвы наиболѣе соотвѣтствуетъ цѣлесообразности именно такой газеты. **Московская газета получается въ провинціи на цѣлыя сутки ранѣе петербургскихъ.** О важности такого преимущества излишне говорить.

Газета „ДЕНЬ“ будетъ выходить ежедневно, не исключая и дней послѣпраздничныхъ, въ годъ свыше 360 №№.

Кромѣ ежедневной газеты, подписчики будутъ получать еженедѣльно

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ПРИБАВЛЕНІЕ.

Составъ сотрудниковъ въ газетѣ „ДЕНЬ“, какъ и въ журналѣ „Родная Рѣчь“, будетъ исключительно изъ русскихъ писателей и публицистовъ, въ настоящее время уже изъяснившихъ согласіе. При давнишнихъ и прочныхъ литературныхъ отношеніяхъ редактора Ф. Н. Берга, къ этому представляется широкая возможность. **Постояннымъ и специальнымъ нашимъ корреспондентомъ на театрѣ военныхъ дѣйствій будетъ состоящій при штабѣ Главнокомандующаго манчжурской арміи, дѣйств. ст. сов. докт. Н. М. Гвоздановичъ.** Заграничные корреспонденты есть во всѣхъ европейскихъ столицахъ.

„ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГАЗЕТУ ДЕНЬ“

съ доставкой въ Москвѣ и пересылкой во всѣ города и мѣстности Россіи НА ГОДЪ съ 1-го января 4 рубля, на 1/2 года 2 рубля, на три мѣсяца 1 рубль.

Подписку просимъ адресовать въ контору газеты „ДЕНЬ“,
Москва, Петровка, Кузнецкій переулокъ, домъ СОКОЛЬ.

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

Казанскаго Университета

на 1905 годъ.

Въ Ученыхъ Запискахъ помѣщаются:

I. *Въ отдѣлѣ наукъ:* ученые изслѣдованія профессоровъ и преподавателей; сообщенія и наблюденія; публичные лекціи и рѣчи; отчеты по ученымъ командировкамъ и извлеченія изъ нихъ; научныя работы студентовъ, а также рекомендованные факультетами труды постороннихъ лицъ.

II. *Въ отдѣлѣ критики и библиографіи:* профессорскія рецензіи на магистерскія и докторскія диссертации, представляемыя въ Казанскій Университетъ, и на студентскія работы, представляемыя на соисканіе наградъ; критическія статьи о вновь появляющихся въ Россіи и за границей книгахъ и сочиненіяхъ по всѣмъ отраслямъ знанія; библиографическіе отзывы и замѣтки.

III. *Университетская лѣтопись:* извлеченія изъ протоколовъ засѣданій Совѣта; отчеты о диспутахъ, статьи, посвященныя обзорѣнью коллекцій и состоянію учебно-вспомогательныхъ учрежденій при университетѣ, биографическіе очерки и некрологи профессоровъ и другихъ лицъ, стоявшихъ близко къ Казанскому Университету, обзорѣнне преподаванія, распределеніе лекцій, актовъ отчетъ и проч.

IV. *Приложенія:* университетскіе курсы профессоровъ и преподавателей; памятники историческіе и литературные съ научными комментаріями и памятники, имѣющіе научное значеніе и еще не обнародованные.

Ученія Записки выходятъ ежемѣсячно книжками въ размѣрѣ не менѣе 13 листовъ, не считая извлеченій изъ протоколовъ и особыхъ приложений.

Подписная цѣна въ годъ со всѣми приложениями 6 руб., съ пересылкою 7 р. Отдѣльныя книжки можно получать изъ редакціи по 1 р. Подписка принимается въ Правленіи университета.

Редакторъ А. Александровъ.

ПАХАРЬ новый ежемѣсячный иллюстрированный сельскохозяйственный журналъ съ доставкой и пересылкой 1 р. въ годъ.

Журналъ основанъ подъ редакцію **Сергѣя Шарапова**, 1 р. въ годъ, для выясненія истинныхъ нуждъ и всесторонней защиты позабытыхъ и пренебреженныхъ интересовъ деревни. Вѣримъ, что нашъ голосъ не затеряется въ газетномъ шумѣ и настоящій человекъ деревни его услышитъ и оцѣнитъ. Программа „Пахаря“ достаточно широкая.

При журналѣ будутъ разосланы *бесплатно* въ 1905 году:

1) Книга С. Шарапова „*Пособіе Молодымъ Хозяевамъ при переустройствѣ ихъ хозяйствъ на новыхъ началахъ*“ (въ отдѣльной продажѣ 1 р.).

2) *Чертежъ сибирскаго привода къ молотилкѣ*, доступнаго простому плотнику (въ отд. прод. 50 к.).

Подписка въ Москвѣ—въ Конторѣ Редакціи: Скатертный пер., д. Муромцева. Въ книжныхъ магазинахъ 1 р. и 10 к. въ пользу магазина. Наложнымъ платежомъ 1 р. 20 к.

Открыта подписка на 1905 годъ на новый иллюстрированный журналъ для дѣтей

„ЗОРЬКА“.

4 р. на годъ. 2 р. на полгода.

12 книжекъ сказокъ, легендъ, рассказовъ, стихотвореній, статей историческаго, географическаго, естественно-историческаго содержания. Каждая книжка, объемомъ около 100 стр., будетъ въ изящной обложкѣ.

12 №№ „Педагогическихъ Записокъ“ и работъ по рисованію. Въ „Запискахъ“ будутъ статьи по вопросамъ воспитанія и обученія и краткія библиографическіе отзывы о книгахъ для дѣтскаго чтенія и учебникахъ.

Адресъ: Вильна, Преображенская, д. 4.

Редакторъ-издатель С. А. Ковалюкъ.

СОДЕРЖАНИЕ: Воспитательное значеніе и характеръ путешествій начальной школы. *Дмитрія Введенскаго*.—Первая задача начальной школы. *Свяци. І. Фуделя*.—О дѣтскихъ спонтаняхъ. (По поводу доклада въ педагогическомъ Обществѣ Г. И. Россолимо,—10 дек. прошлаго года). *Николая Ник.*—Изъ учительскихъ дневниковъ. Примиреніе *О. К.*—Идеалистъ. Очеркъ *С. Козубовскаго*.—Листки изъ дневника учителя-крестьянина. *Учит. Е. Куликова*.—Среди дѣтей. *Стих. Учит. П. Гурьева*.—Посѣвы и всходы. (Изъ жизни церковно-приходскихъ школъ).—Изъ періодической печати. Воспитательно-спасительный примѣръ. *Пр. А. В-въ*.—Нашъ дневникъ.—Объявленія.

ПРИЛОЖЕНІЕ: „Зернышки Божіей Нивы“, книжка 26-я (четыре статьи).

Редакторъ Епископъ НИКОНЪ.

Печать дозволяется. Визанія. Января 18 дня, 1905 года. Цензоръ, Ректоръ Визанской Духовной Семинаріи, Протоіерей А. Вгльевъ.

Типографія Свято-Троицкой Сергіевой Лавры.

Цѣна отдѣльному №—10 коп.
За перемѣну адреса 25 коп.

Подписная цѣна на журналъ 1 р. съ перес.; выходитъ ежемѣсячно.

АДРЕСЪ: Сергіевъ посадъ, Моск. губ., въ Редакцію „Божіей Нивы“.